Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза советских писателей СССР

№ 80 (3109) Вторник, 7 июля 1953 г. Цена 40 коп.

ВЫСТАВКА В СОКОЛЬНИКАХ

КАК УСКОРИТЬ СТРОИТЕЛЬСТВО ЖИЛЫХ ДОМОВ

Сто тысяч строителей — не только москвичи, но и гости из других городов области — собрались к полудню минувшего воскресенья в Сокольническом парке культуры и отдыха.

По широким тенистым аллеям шли они в глубь парка, к Третьему лучевому просеку. Здесь раскинулся необычный городок — выставка творческих достижений строителей столицы и области за последний год. Тысячью своих экспонатов выставка не только показывает, но и учит, что, как, чем и из чего надо строить, чтобы быстрее и больше дать советским людям добротного жилья.

В архитектурных павильонах — множество художественно выполненных проектов зданий, ансамблей, магистралей, целых районов. В этих нарисованных на ватманской бумаге проектах люди часто узнают контуры зданий, которые, уже не нарисованные тушью и акварелью, а возведенные из кирпича и железобетона, высятся сегодня на Ленинских горах, Песчаных улицах, Можайском и Ленинградском шоссе.

При сооружении этих домов прославилось много мастеров строительного дела. Их большие портреты украшают вход на выставку, а сами они тут же, на просторной поляне, показывают гостям методы своей работы.

Вот инженер Александр Стуканов демонстрирует свои «шагающие» домкраты. На подмостях, просторных, как палуба, каменщики выкладывают стену. Подмости не опираются на стойки, как обычно, а подвешены к электрическим домкратам, которые зацеплены своими «лапами» за самую стену. Стена растет, и, зацепляясь за вновь выложенные ряды, все выше и выше «шагают» домкраты, плавно поднимая с собой подмости с людьми и материалами. На строительстве жилых домов в Люберцах домкраты Стуканова позволили впервые в мире превратить кирпичную кладку в непрерывный производственный процесс, а устройство подмостей стало полностью механизированной операцией.

В строительном деле немало специальностей, и в каждой из них есть свои новаторы, славные начинания которых облегчают труд, повышают производительность, ускоряют темпы. На площадке показов Фома Мальцев, в прошлом каменщик, а ныне инженер, демонстрирует свои новые контейнеры, полностью устраняющие ручной труд на доставке и перегрузках кирпича и блоков; маляр Николай Беликов, оперируя краскопультом своей системы, показывает замечательные образцы скоростной отделки помещений; столяр Борис Нечунаев знакомит гостей с новыми высокопроизводительными станками своей конструкции для обработки дерева... При этом гости не просто слушают новаторов, но кое в чем и дополняют их, порой спорят и возражают. В таком живом, творческом общении ярко проступают черты социалистического отношения к труду и заинтересованности в общем прогрессе строительного дела.

Кран новой конструкции — трубчатый

Блок и панель — главная тема выставки. Эти детали представлены здесь наиболее широко. Все, что нужно для возведения и оснащения жилого дома, изготовляется, «блокируется» на заводах, привозится на стройку для установки: блоки дверные, оконные, санитарно-технические, отопительные, электротехнические, лифтовые и, конечно, в первую очередь блоки стен.

Блок стены — это искусственный камень, сделанный из шлака и цемента, по форме похожий на кирпич, но по размерам больше него в сотни раз. Такой блок, в сущности, является готовым «куском дома». С внешней стороны он уже имеет богатое архитектурное убранство, а с внутренней — полностью подготовлен для окраски или оклейки обоями. В один прием он устанавливается краном на место.

На выставке собраны из блоков фрагменты зданий. Они дают представление о тех многоэтажных крупноблочных зданиях, которые строятся нынче во многих городах страны.

А что же такое панель? Почему на выставке в этом году ей уделено так много внимания? Панель — самая крупная сборная деталь здания. Ее размеры доходят до тридцати квадратных метров, а вес превышает четыре тонны. Такой железобетонной панелью в течение нескольких минут с помощью крана можно сразу перекрыть большую комнату, причем нижняя поверхность панели служит потолком комнаты, а верхняя часть — полом комнаты верхнего этажа. Сегодня крупная междуэтажная панель олицетворяет собой высший этап развития жилого строительства, позволяющего делать дома полностью сборными.

На Ярославском шоссе Министерство строительства СССР сооружает 22-этажный дом, в котором все детали — колонны, прогоны, балки, междуэтажные перекрытия, лестничные клетки и марши — сборные. Дом монтируется. На выставке показан двухэтажный фрагмент этого замечательного здания, который сегодня еще является уникальным. Но завтра таких полностью сборных домов будет все больше и больше. И об этом «завтра» на выставке выразительно рассказывает экспонат, который привлекает к себе особое внимание и интерес москвичей.

Эта панель будет потолком комнаты

Речь идет о двух невиданных в мире заводах, которые будут давать Москве комплекты сборных железобетонных строительных деталей в количестве, достаточном для возведения 700 тысяч квадратных метров жилья ежегодно. Строительство и наладка этих заводов в Люберцах и на Красной Пресне подходят к концу. Все производство их полностью не только механизировано, но и автоматизировано. Каждые пятнадцать минут с заводских конвейеров будут сходить строительные детали, к которым при изготовлении не прикасалась рука человека. Их привезут на строительные площадки и, как говорят строители, «уложат в дело».

С пуском этих заводов строители Москвы получат мощную производственную базу для индустриализации строительства.

Осмотрев на выставке секцию здания, в котором все будет сборным, мы поинтересовались, насколько это убыстрит темпы строительства. Г. Фомин, главный инженер треста «Центростанкострой», который строит этот дом, ответил:

— По крайней мере в два раза. Теперь мы имеем возможность строить этаж в тридцать квартир площадью примерно 1 500 квадратных метров не дольше недели. За это время будет сделано все, кроме отделки.

Знакомство с экспонатами выставки рождает не только мысли о совершенствовании техники строительного дела, ибо каждому понятно, что ускорение строительства, снижение его стоимости, улучшение качества работ — все это в конечном счете служит одной цели — благу нашего народа, во всем этом находит свое выражение забота партии о быте советских людей.

Все для того, чтобы советскому человеку жилось еще лучше, удобнее, просторнее, — вот о чем говорят экспонаты Московской строительной выставки. И потому так велико впечатление, которое уносят после знакомства с нею люди.

Н. КУЛЕШОВ, А. СТЕПНОВ

Квартира, собранная из крупных панелей
Фото Б. ПУШКИНА

ЕЩЕ РАЗ О МЕЩЁРЕ

С. КРУТИЛИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

1. Ока делит Рязанскую область на две части: южную, полустепную, с широкими полями, с многочисленными деревнями и селами, и северную — болотистую, лесную, известную под названием Мещёра.

Когда едешь на пароходе вниз по Оке, то правобережье почти всегда рядом, а слева тянутся луга. За ними, в туманной дымке, — леса, леса и леса. В пойме, изрезанной блестками стариц и озер, пасутся стада скота.

Летом луга особенно хороши. Над поймой разлит запах цветущих трав. В этом запахе улавливаешь и медовую сладость клевера, и тонкий, чем-то напоминающий аромат фиалки, запах цветущей люцерны. Кажется, будто испускают аромат и бесцветная овсяница и луговая тимофеевка. Смотришь на все это и думаешь: какое раздолье, какое богатство! Действительно, — «золотая пойма»!

Сотни колхозов, раскинувшихся вдоль Окской поймы, имеют, как принято говорить, животноводческое направление. На каждый гектар пахотной земли у них два, а то и больше гектара лугов и выпасов. Вот, к примеру, солотчинские колхозы — «Свой труд» и «Достижение». Первый располагает более чем двумя тысячами гектаров земли: 260 гектаров пашни, а остальные — луговые угодия; в «Достижении» из 4.000 гектаров 3.250 занимают заливные луга.

Эти колхозы, среди немногих в области, сохранили в своем стаде великолепную местную породу крупного рогатого скота — красно-пойменную. Лучшие коровы этой породы дают за лактацию 4,5—10 тысяч литров молока, при большом проценте жирности. Однако, несмотря на высокие породные качества стада, надой молока в колхозах ниже плана, доходы от животноводства незначительные, трудодень невысокий.

Почему?

— С кормами туговато, — говорят колхозники.

Правда, осенние дожди прошлого года помешали во-время убрать сено. Но эти ссылки были бы основательными, если б, скажем, в предыдущие годы фермы приносили значительный доход... Все дело, на наш взгляд, заключается в том, что хозяйство в этих артелях ведется на низком культурном уровне. Фермы не механизированы; племенное дело поставлено плохо; рационы кормления скота не выдерживаются. В прошлом году колхозы получили по 180—200 пудов сена с гектара. И это на первоклассных заливных лугах!

Да и вообще на луговых угодьях Окской поймы нынче получают значительно меньший урожай сена, чем можно бы получить. Проведение широких работ по улучшению приокских лугов имеет первостепенное значение. Для этого созданы новые машинно-тракторные и лугомелиоративные станции и отряды. Однако комплектование их специальной техникой идет очень медленно. Об этом «Литературная газета» писала год назад. Теперь, приехав в Рязань, я снова поинтересовался, как обстоит дело с лугомелиоративными машинами. Работник областного управления сельского хозяйства и заготовок Андрей Семенович Бельденков в ответ на мой вопрос пожал плечами:

— Плохо. Вот уже второй квартал проходит, а мы все еще ни одной машины не получили... Одни обещания...

В этом году в пойменных районах Рязанской области создается еще три лугомелиоративные станции. Завезены тракторы, но отсутствуют кусторезы, фрезы-барабаны и другие необходимые машины. Андрей Семенович рассказал, что осенью прошлого года область получила корчеватель. Работает он в Киструсской ЛМС.

2. Корчеватель мы отыскали за Спасском, на лугах колхоза имени Ленина. Гусеничный трактор пятился назад, подминая кусты. Подмяв их, он начинал двигаться вперед, опуская в землю пальцы корчевателя, и в тот же миг на поверхности появлялись мертвые сплетенья корневищ.

Следом за этой машиной, могущей за день раскорчевать гектар кустарника, шли женщины. Они руками выбирали корневища из огромных комьев земли и откладывали их в сторону.

Высокопроизводительная машина и рядом — тяжелый, утомительный ручной труд! В полеводстве мы вплотную подошли к комплексной механизации основных работ. А здесь, в лугах, на землях, отвоеванных у болот, с огорчением отмечаешь, что многие трудоемкие процессы еще не механизированы. Лугомелиоративных машин очень мало, к тому же они завозятся не комплектно. Повсеместно есть канавокопатели, но они зарастают бурьяном на участках ЛМС — слишком тяжелы для болотистых почв. Есть кусторезы — нет корчевателей. Есть дренажные плуги — нет фрез-барабанов. Совсем отсутствуют экскаваторы. Поэтому ни один из лугомелиоративных отрядов, созданных в последние годы в области, не может комплексно — от начала до конца — провести работы по улучшению лугов, по осушению болот.

...В обеденный час мы разговорились с водителем корчевателя Василием Абрамовичем Ушаковым и прицепщиком, пожилым колхозником Александром Кузьмичом Буриковым. Разговор зашел о лугах, о богатстве колхоза: сколь велики его доходы, большое ли стадо на фермах, весом ли трудодень.

— Трудодень еще так-сяк, — отозвался Буриков. — За прошлый год дали и зерна, и картофеля, и сена. А о богатстве говорить пока не приходится.

— А луга?

— Луга?! — повторил колхозник. — Разве это луга! Вы видели бы их лет двадцать назад: трава по плечо была...

Я спросил Бурикова, что же произошло с лугами. Он помолчал, затем сказал:

— Бывало, тут по восемьсот пудов сена с гектара брали. А теперь запустили луга. Некому за ними наблюдать. В прошлом году поторопились, скосили не во-время — луга не осеменились... Ныне год хороший, а сено — редменное...

— Не наблюдают. Это верно, — поддержал Бурикова Ушаков. — Заботы о лугах у нас мало: выросла трава — коси, а коль не вырастет, тогда как?

Оказывается, в Рязанской области, имеющей только в пойме одной Оки около двухсот тысяч гектаров луговых угодий, нет ни одного специалиста-луговода — ни в областном управлении сельского хозяйства и заготовок, ни в районах, ни в ЛМС. Их нет потому, что ни одно высшее учебное заведение страны не готовит агрономов-луговодов. Их нет и на Орловщине, и на Смоленщине, и во Владимирской области. И потому луга, раскинувшиеся по нашим старым русским рекам — Волге, Оке, Дону, Цне, — оставлены без агрономического присмотра.

Ясно, что нельзя подготовить специалистов-луговодов в течение одного года. Для

этого требуется время. Тут оперативность должно проявить Главное управление сельскохозяйственной пропаганды Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР.

— Конечно, — согласился Буриков, — какой может быть разговор о культуре ведения лугов без агрономов...

Александр Кузьмич продолжал:

— Где мы сидим — отсюда и до того вон леса, помню, был луг. Жашковский. А теперь, видите, ольховником да дубняком зарос. Плавни болотные пошли по нему лепешками. То же и с Добрым лугом. Мещёра наступает...

«Мещёра наступает!» — слова эти мне приходилось слышать не впервые. Начальник областной проектной конторы Владимир Васильевич Ермаков, хорошо знающий эти края, рассказывая об осушительных работах в колхозах, говорил:

— Хорошо, что в этом году мы осушим болот в пять раз больше, чем в прошлом. Но ведь мы только обороняемся, а Мещёра наступает...

Откуда же «наступает» Мещёра?

3. ...Откуда-то с севера, из Владимирской области, текут две лесные речушки — Поля и Бужа. В пути они принимают в себя неисчислимое множество ручейков — таких же медлительных, с такой же черной водой, как сами, и в районе Спас-Клепиков разливаются озерами. Озер здесь много: Великое, Ивановское, Лебединое, Светлое...

Из озера Мартыновского, возле Спас-Клепиков, вытекает Пра. На протяжении нескольких километров трудно отличить, где окончилось озеро и где началась река: настолько медленно ее течение.

Когда-то, при Петре I, Пра была судоходной. По ней сплавляли лес. Корабельные сосны, тяжелые дубы около болотных берегов оседали на дно. Русло реки заболачивалось, засорялось. Болота, или, как их здесь зовут, «мшары», которые тянутся вдоль Пры до самого ее впадения в Оку, стали еще больше наполняться водой. Мещёра начала «наступать».

В Спас-Клепиковском районе много заболоченных земель, а без их освоения нельзя и думать о подъеме животноводства и овощеводства.

Лет пятнадцать тому назад в Спас-Клепиковском районе был создан опорный болотный пункт. В первые годы опорный пункт проводил опытную работу только на полях колхоза «Новая заря», в деревне Ювино. В последнее время под опытный участок было еще осушено небольшое болотце в колхозе имени Сталина, недалеко от райцентра. Мы поехали в Ювино. Ювино — деревенька, затерявшаяся на берегу Пры, среди болот и лесов. Тихая уличка; направо и налево — чистые домики. Тут же, у палисадников из тощей мещёрской березы, начинаются болота.

Опытное поле площадью в 24 гектара было осушено еще в 1938 году. В центре его — магистральный канал длиною около трех километров; он отдает воду небольшой речушке Ювенке, которую неохотно принимает Пра. К магистральному каналу с обеих сторон примыкают осушительные ямы — дрены. Через них к каждому полю поделаны мостки. Минуя их, мы идем вдоль магистрального канала. Когда-то это была глубокая канава шириною около трех метров. Сейчас ее сжало со всех сторон, и в земле виднеется неглубокая щель, заросшая осокой и ольховником. На дне ее — ржавая вода. Воду из дрен магистральный канал уже не принимает, и мы ступаем по топи. Направо — поля многолетних трав и оставшейся не взметанной с осени зяби; налево, на небольшом участке, женщины сажали картофель. Земля возделана плохо, конными плужками.

Здесь среди колхозниц, занятых на посадке картофеля, мы встретили заведующую опорным пунктом Анну Алексеевну Митяеву и председателя колхоза.

Мы заметили, что картофель высаживается слишком поздно.

— Конечно, поздновато, — согласилась Анна Алексеевна. — Разве успеешь все сделать во-время вот с этакой техникой...

Она указала рукой на обочину канала. Тут стояли сакковский плуг, дисковая заржавевшая борона, деревянный каток; оглобли от него лежали неподалеку, в траве.

Оказывается, колхоз «Новая заря», на территории которого расположен основной опытный участок Клепиковского опорного болотного пункта, имеет всего лишь 63 гектара пахотной земли. Договора с МТС у колхоза нет. Это во многом определяет и работу опорного пункта.

— Смотрите, вот этот участок, — показывает Митяева, — мы раскорчевали года три назад, надо было произвести фрезование, а чем?..

Анна Алексеевна Митяева — единственный научный сотрудник на опорном пункте. Работает она здесь вот уже более 13 лет. Анна Алексеевна помнит лучшие времена болотного опорного пункта. На том же ювинском участке, который сейчас запущен и снова заболачивается, когда-то выращивались превосходные урожаи ржи — по 20—22 центнера с гектара, овса — по 37 центнеров, капусты и картофеля — по 540 центнеров... Научную работу в те годы вели три сотрудника. Пункт располагал своей лабораторией — отдельным домиком, где было все необходимое для опытов: микроскопы, приборы для анализа семян и почвы, весы, метеостанция... Во время войны количество сотрудников постепенно сократили до одного, а помещение лаборатории заняли правление колхоза и сельский Совет.

Клепиковский опорный пункт находится в ведении управления сельхозпропаганды Рязанского областного управления сельского хозяйства и заготовок. Однако управление это невнимательно относится к нуждам и запросам своего опытного хозяйства. Начальник управления сельхозпропаганды Нешумов и агроном, заведующий постановкой опытного дела Куршакова не вникают глубоко в практику работы пункта.

Вместо того, чтобы помочь пункту механизировать работы, помочь сделать его поля действительно опытным, передовым хозяйством, руководители Рязанского областного управления сельского хозяйства и заготовок вынашивают план закрытия этого научного учреждения в Спас-Клепиковском районе. Думают перенести его поближе к Рязани — в Полянскую ЛМС.

Клепиковский опорный болотный пункт имеет несомненные заслуги в освоении болот Мещёры, он должен существовать. Внимательное изучение ежегодных отчетов, анализ всех данных исследований могли бы дать богатый материал для научного труда, имеющего большое практическое значение. Агротехнику Митяевой, занятой с утра до вечера на опытных делянках, одной это дело не под силу.

Знают ли о существовании Клепиковского опорного болотного пункта Всесоюзный научно-исследовательский институт гидромелиорации и Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени Ленина? Да, знают. Институт гидромелиорации даже вел переписку с Клепиками «о помощи». Но «помощь» так и осталась на бумаге. Авторитетные научные учреждения страны слабо помогают решению важных для областей нечерноземной полосы вопросов освоения новых земель.

* *

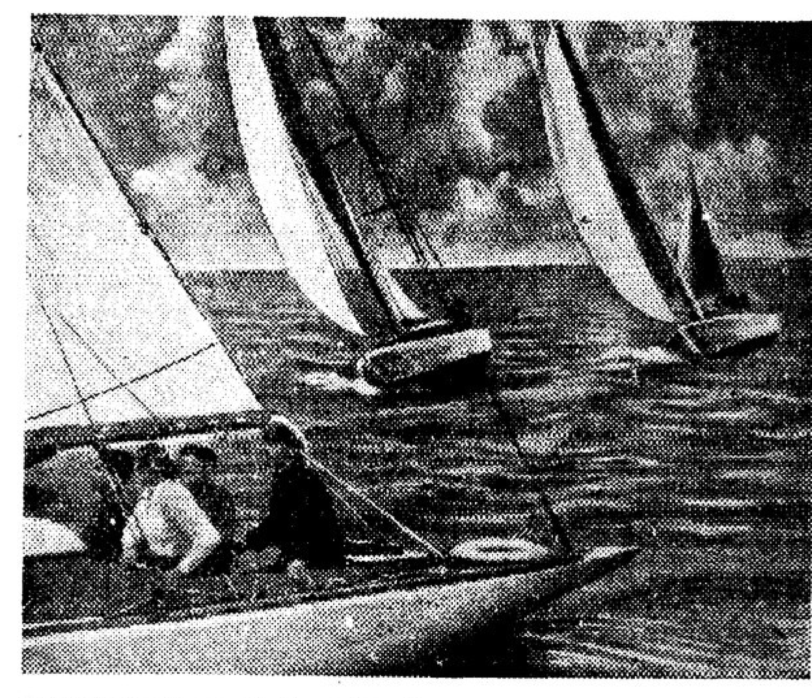
Сейчас много пишут и говорят о Мещёре. Это понятно: богатый край, расположенный неподалеку от столицы, мог бы быть превосходной базой снабжения Москвы молочными продуктами и овощами. Хочется, чтобы эта исконно русская, древняя земля преобразилась как можно быстрее. Для этого надо, чтобы рязанские областные организации больше думали об использовании внутренних резервов, нацеливали людей на слаженную и плодотворную работу. Для этого надо также, чтобы Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР, Министерство машиностроения СССР и наши научные учреждения от разговоров о помощи центральным нечерноземным областям перешли к делу. А помощь эта явно недостаточна.

Настанет время, когда Мещёра перестанет «наступать». Это будет, когда углубленное, улучшенное русло реки Пры уведет в Оку из Мещёры излишнюю воду. Тогда на месте «мшар», которые сейчас непроходимыми болотами подступают вплотную к селам, раскинутся первоклассные пастбища и огороды. Недра земли отдадут торф, благо залежи его здесь неисчислимы. На торфе станут работать тепловые электростанции, дающие энергию в дома колхозников, на поля, на фермы. А приокская пойма, на которую сейчас «наступает» Мещёра, станет краем изобилия, краем высокопродуктивного животноводства.

РЯЗАНЬ

НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ

БОЛЬШЕ ЯХТ!

Порывистый, тугой балтийский ветер встречает нас еще у ворот яхт-клуба. В Ленинграде последние дни были жаркими и душными, мало кто ощущал, что он живет в приморском городе, где рядом — огромные водные просторы... Дыхание моря начинаешь чувствовать только здесь, у устья Невы, где многоводная река сливается с Финским заливом.

Сюда после работы каждый вечер стекаются со всех концов города сотни яхтсменов — людей, любящих отдыхать под развернутым парусом. На палубах яхт вы увидите спортсменов разных возрастов и профессий. Одни еще носят красные пионерские галстуки, у других на груди — боевые ордена и золотые лауреатские медали.

Нужно много потратить времени и потрудиться, чтобы стать хорошим яхтсменом. Но кто своими руками хоть раз проконопатил, отшпаклевал и покрасил судно, кто сам штопал парусину и чинил снасти, тот не покинет судно и товарищей, с которыми плавал под одним парусом! Общий труд, взаимовыручка сплачивают всю команду. Это спорт смелых и закаленных людей.

...Многие суда стоят еще без парусов. Но почти на всех кипит работа. Завтра одни будут участвовать в гонках на сто миль, другие — на двадцать пять и на пятнадцать. Экипажи счищают с днищ «бороду» — наросшие ракушки и водоросли, чтобы суда скользили лучше, тщательно проверяют снасти, меняют блоки, чинят паруса. На Неве курсируют лишь «олимпики» — маленькие швертботы-одиночки. Сильно кренясь, они скользят по взъерошенной ветром поверхности реки, а их водители, чтобы сохранить равновесие, так откидываются всем телом назад, что порою повисают над водой!

Успех в гонках зависит, конечно, и от конструкции судна, от его мореходных качеств.

— ...Очень сильная зависимость! — говорит мастер парусного спорта Д. Коровельский. — Это показали прошлогодние международные соревнования...

И вот то, что рассказал он и другие яхтсмены, заставило меня написать эту заметку.

Спортивных судов изготовляется крайне мало, стоят они очень дорого и редко отличаются хорошим качеством. На всю страну работают только маломощная экспериментальная верфь в Таллине, несколько мастерских на Волге и Ленинградская верфь, расположенная рядом с яхт-клубом. Эта верфь мощнее других и, казалось бы, что именно она должна выпускать самые совершенные суда. Ничуть не бывало! Суда, которые здесь спускаются на воду, вызывают много нареканий. Верфь не имеет даже своего конструкторского бюро, хотя в городе немало талантливых конструкторов.

С этим надо покончить. Яхтсмены хотят, чтобы спортивное судостроение с полукустарных предприятий перешло на хорошо оснащенные современные верфи, которые выпускали бы много судов международного класса, новейших конструкций. Нужно, чтобы лучшим конструкторам, как и спортсменам, завоевывающим на их судах первые места, выдавались призы и присваивались звания.

И было бы очень хорошо, чтобы о яхтсменах и развитии этого замечательного вида спорта больше думали руководители физкультурных организаций. Знают ли они, что даже в Ленинграде и его пригородах количество яхт-клубов сократилось? Раньше спортсмены Кировского завода имели в Стрельне свой яхт-клуб с двумя десятками судов, а сейчас у них... один швербот. Когда-то у сестрорецких рабочих в Разливе по озеру плавало более полутора десятка швертботов, теперь же там осталось только два или три.

Петр КАПИЦА

ЛЕНИНГРАД

НА СНИМКЕ: **в воскресный день на Финском заливе.**
Фото Л. КОРОВИНА

Гонщики вернулись в Москву

Закончилась велосипедная гонка по маршруту Москва — Харьков — Киев — Минск — Москва. Звание чемпиона СССР по многодневным велосипедным гонкам завоевал Р. Чижиков (ЦДСА). В командном зачете на первое место вышла первая команда Центрального Дома Советской Армии.

Каковы же итоги гонки? Прежде всего отметим, что труднейшую дистанцию протяженностью в 2 573 километра закончили 84 спортсмена из 96 стартовавших. Таким образом, по различным причинам сошло с дистанции только двенадцать человек. Напомним, что в прошлогодней гонке Москва — Харьков — Москва, почти вдвое меньшей протяженностью, из 60 участников финишировали лишь 24.

Другим приятным итогом нужно считать появление большого числа новых имен из числа молодежи. Впервые, например, участвовал в столь крупных соревнованиях уралец В. Ильиных. Десятое место, занятое им в гонке, несомненно, большой успех для этого двадцатилетнего спортсмена. Ильиных родом из города Каменск-Уральский Свердловской области, по профессии он торговый работник. Неплохо зарекомендовал себя победитель одного из этапов модельщик Кадиевского завода имени Ворошилова (Донбасс) Е. Советов; ему также двадцать лет. По 22 года участникам команды ЦДСА В. Вершинину и В. Башкину.

По условиям состязаний звание чемпиона страны по многодневным велогонкам присуждается победителю лишь в том случае, если показанная им средняя скорость будет не менее 36 километров в час. Р. Чижиков показал несколько меньшую скорость (впрочем, и она больше скорости, показанной в прошлогодней велосипедной гонке). Это объясняется очень трудными условиями гонки на этапах Чернигов — Гомель и Гомель — Орша. Дорога здесь была в плохом состоянии, гонщикам приходилось местами ехать по песку. По существу, эти два отрезка пути представляли собой кроссовую дистанцию. Подсчитано, что если бы время, показанное на этих двух этапах, исключить из общего зачета, то скорость победителя равнялась бы 37,3 километра в час. Это было учтено при подведении итогов гонок.

Вчера на Центральном стадионе «Динамо» в торжественной обстановке победителям были вручены призы.

Встречи шахматистов СССР — США

Вчера из Москвы в Нью-Йорк выехала команда советских шахматистов, которая примет участие в товарищеской встрече с шахматной командой США. Капитан советской команды, вице-президент Международной шахматной федерации гроссмейстер В. Рагозин сообщил нашему корреспонденту:

— На XXIII конгрессе федерации, который состоялся летом прошлого года, было принято решение устраивать товарищеские встречи между командами различных стран. Тогда же на конгрессе шахматисты Советского Союза получили ряд приглашений, в том числе от шахматистов США. Мы приняли приглашение американцев. Встреча начнется 15 июля в Нью-Йорке, игра будет происходить на восьми досках. Каждому предстоит сыграть со своим противником по четыре партии.

Советские и американские шахматисты уже встречались между собой. В 1945 году играли по радио команды Москвы и Нью-Йорка; победили москвичи со счетом $15\frac{1}{2} : 4\frac{1}{2}$. В следующем году команда США приехала в Москву. Это состязание наша команда выиграла со счетом $12\frac{1}{2} : 7\frac{1}{2}$. Наконец, в прошлом году на мировой шахматной олимпиаде в Хельсинки советская команда в предварительных играх победила американцев со счетом 3 : 1, а в финале была ничья — 2 : 2.

Обе страны выставили ныне своих лучших шахматистов. В составе команды СССР на первой доске будет играть М. Ботвинник (Москва), далее в порядке досок — П. Керес (Таллин), В. Смыслов (Москва), И. Болеславский (Минск), А. Котов (Москва), Е. Геллер (Одесса), М. Тайманов и А. Толуш (Ленинград), запасные — Т. Петросян и Ю. Авербах (Москва). Руководитель делегации В. Кеменов, тренер — гроссмейстер И. Бондаревский.

В команду США вошли: гроссмейстеры С. Решевский и Р. Файн, международные мастера: чемпион США Л. Эванс, Р. Бирн, Г. Крамер, И. Горовиц, А. Денкер и мастер М. Павей. В запасе — А. Бисгайер и А. Дейк.

С. ЛИПКИН

СТРАНИЦЫ ДРУЖБЫ

Нижнее Казанище называют в Дагестане «аулом писателей». Действительно, он дал кумыкской литературе многих ее деятелей. Мы едем по узким улицам, видим крепкие двухэтажные дома, крытые черепицей или железом, большие здания клуба, школы и сады, сады...

— Верно скажу: приятно живут, культура есть, порядок есть,— говорит семидесятилетний народный поэт Абуталиб Гафуров. В прошлом лудильщик, он исходил со своим несложным инструментом всю страну гор. Благодаря скитаниям, старый поэт может изъясняться и по-кумыкски, и по-аварски, и по-даргински.

— Про нас, лаков, говорят: разрежь арбуз — оттуда лак выскочит, — смеется он. А лезгин Шах-Эмир Мурадов, молодой лакский поэт Юсупов, аварец Расул Гамзатов чувствуют себя смущенно: как встретят их в ауле иноязычные кумыкские читатели?

Клуб расположен на холме. Вечером, когда вы едете извилистой горной дорогой, вас долго сопровождает свет его окон.

Наряду с писателями Москвы, Киева, Махачкалы читают свои произведения местные поэты: учитель Ибрагимов и Гамидов, секретарь райкома партии Атаев. Клуб переполнен, в двери заглядывают юноши и девушки, которым не удалось занять места в зале. По тому, как чутко слушают стихи и рассказы, и по количеству записок, поданных в президиум, мы понимаем, что здесь давно ждали писателей, что здесь горячо любят литературу.

Где бы мы ни выступали — в городе или в ауле,— всюду нас расспрашивали о том, что пишут сейчас известные русские писатели; о дискуссии, посвященной книгам о Маяковском; о песнях народного поэта Тагира Хрюгского; о том, будут ли переведены на русский язык произведения Анвара Аджиева (кумыки любят его полные юмора и народного лукавства стихи)...

Это были настоящие вечера дружбы, как бы живые страницы, дополнявшие страницы альманаха «Дружба», выходящего на пяти дагестанских языках: на аварском, даргинском, лезгинском, кумыкском и лакском.

В Дагестане живут свыше тридцати народностей. На названных пяти языках говорят крупнейшие из них. Но до последнего времени, как правило, аварцы читали аварских писателей, даргинцы — даргинских и т. д. О том, как живут, как работают люди, живущие по соседству, но говорящие на другом языке, читатели узнавали только из газет.

В таких условиях выход альманаха «Дружба» явился крупным событием в культурной жизни Дагестана. Теперь произведения дагестанской литературы печатаются сразу на пяти языках. Животноводы высокогорной Аварии знакомятся с жизнью лезгинских и татских виноградарей, а кубачинцы, прославленные умельцы-ювелиры, читают на лакском языке стихи даргинского поэта.

Альманах выходит четыре раза в год. Он знакомит читателей и с образцами русской классической и современной литературы. Единственному в республике издательству, выпускающему на семи-восьми языках политическую, художественную и научную литературу, учебники, нелегко регулярно выпускать альманах. Тем не менее, за год дагестанские читатели получили двадцать книжек альманаха общим объемом в двести печатных листов.

А работников альманаха только двое: главный редактор и ответственный секретарь. У редакции, получающей рукописи на пяти языках, нет машинистки, нет технического секретаря, нет штатных редакторов (только к лакскому изданию прикреплен штатный редактор), нет средств на рецензирование рукописей, нет, наконец, собственного угла. Случалось и так: аварское издание «Дружбы» печаталось в Буйнакске, а лезгинское — в Дербенте. Приняв все это во внимание, нельзя не отдать должное горячей энергии и настойчивости главного редактора альманаха Камиля Султанова.

Но главные судьи альманаха — читатели — не могут считаться с «объективными» обстоятельствами. Они судят об альманахе по результатам его работы. Каковы же эти результаты?

Привлекают внимание рассказы Ибрагима Керимова, посвященные Уралу. Об уральских рабочих писатель пишет с большой достоверностью. Но вызывает досаду стремление автора приблизительным знанием техники заменить слабое знание жизни, скрыть ее острые противоречия. Вместе с тем лучшие рассказы Ибрагима Керимова, такие, как «Холодное спасибо», заслуживают перевода на русский язык.

Аткай Аджаматов посвятил свою повесть русской учительнице. В трудные военные годы, в тяжелых, непривычных для нее условиях русская девушка обучает горских детей. Портрет учительницы написан хорошо, но общей картины нет: у автора не хватило сил создать другие характеры.

В жанре короткого рассказа успешно работают и молодой лезгинский прозаик Меджид Гаджиев, и кумык М. Яхьяев.

К удачам альманаха следует отнести стихотворные произведения. Среди них опубликован большой цикл Расула Гамзатова «Слово о старшем брате». Изданные на русском языке, эти стихотворения были сочувственно встречены критикой. Веришь, что большая тема — дружба с великим русским народом — рождена в самой душе поэта. Некоторые из этих стихотворений вошли в сборник Р. Гамзатова, выпущенный в Албании; албанские читатели знакомятся со стихами, впервые опубликованными в дагестанском альманахе. Знаменательный факт!

Уже несколько лет печатается Рашид Рашидов. Сейчас мы присутствуем как бы при новом рождении поэта на страницах альманаха. Талант Рашидова окреп. Здесь и любовная лирика, и стихи для детей, и картины природы. В стихах есть острая мысль, свой взгляд на вещи, умение писать образно (например, об абрикосовом саде поэт говорит, что это солнце рассыпалось на множество круглых шариков...)

Интерес возрастает, когда мы доходим до драматической поэмы Абдул-Вагапа Сулейманова «Бандиты в фесках». Интерес этот понятен: автор — даровитый поэт, тема поэмы — борьба горцев с турецкими оккупантами в годы гражданской войны. Но уже после первых страниц задаешь себе вопрос: неужели опытная рука Абдул-Вагапа Сулейманова написала эту беспомощную поэму? Дальше разочарование переходит в протест. Герои (и положительные, и отрицательные) ходульны: они высказывают общеизвестные истины, лишены речевой характеристики, поступки их часто просто непонятны.

Автор написал поэму наспех, неряшливо, нехудожественно, а редакция, прельстившись нужной темой, некритически подошла к публикации этого произведения.

Налицо печальное обстоятельство: редакция слабо выполняет свою основную обязанность — редактирование рукописей.

Вот писатель (лезгин, например) приносит рукопись в редакцию. Прочесть ее в состоянии только один член редколлегии — лезгин. Изустно он рассказывает содержание рукописи остальным членам редколлегии и главному редактору и, по существу, решает ее судьбу.

Вот почему на страницах альманаха появляются такие слабые произведения, как «Бандиты в фесках» или повесть Асадуллы Магомаева «Горянка», композиционно рыхлая, схематичная; между тем в этой повести есть страницы, свидетельствующие о литературных способностях автора.

Вот почему в альманахе немало грубых грамматических ошибок, опечаток. Переводы осуществляются небрежно. Например, фраза «Вспугнули сороку» переведена так: «Вспугнули сорок птиц»; глагол «трусйт» из некрасовского «Топтыгина» переведен глаголом «трусит».

В портфеле редакции есть интересные произведения. Это, прежде всего, поэма народного поэта Казиау Али «Рассказ соседа», посвященная тяжелой прошлой жизни кумыков. Однако работа над поэмой еще не доведена до конца; редакция обязана помочь старому поэту-сказителю, чье произведение может сыграть большую роль в дагестанской литературе.

Что же необходимо предпринять для улучшения редакторской работы в альманахе «Дружба»?

Необходимо основное: чтобы Союз советских писателей СССР, его бюро комиссий литератур народов СССР глубоко, умом и сердцем, поняли особенности Дагестана — автономной республики, в которой существует не одна и даже не пять литератур (выходят книги и на татском языке, и на табасаранском). В дагестанском Союзе писателей (как, скажем, и в мордовском и в осетинском) работает только один литературный консультант. Сейчас эту должность занимает кумыкский писатель. А что он может посоветовать автору, который приносит ему рукопись на аварском языке? Или на лезгинском? Или на даргинском?

Необходимо увеличить число литературных консультантов в Дагестане, поручив им обязанности штатных редакторов альманаха, выходящего на пяти языках. Необходимо выделить дагестанскому Союзу писателей средства на рецензирование рукописей, на подстрочные переводы. Без этого редакция не сможет осуществлять свою основную функцию — квалифицированно редактировать рукописи.

Такое издание, как альманах «Дружба», ярко воплощает в себе идею пролетарского интернационализма. Несомненно, оно найдет крепкую поддержку. Но многое зависит и от самой редакции. В ее возможностях создать в альманахе хороший отдел критики и литературоведения, а такого отдела пока, по сути, нет, если не считать публикаций юбилейного характера. Писатели редко пишут критические статьи и рецензии. От редакции зависит и выпуск альманаха (как это и проектировалось) на русском языке, отбирая лучшие произведения, опубликованные на пяти языках.

А потребность в русском альманахе в Дагестане велика.

Мне довелось работать над переводами Сулеймана Стальского. Я работал в его доме, в Ашага-Стал. Несколько важных мест подстрочного перевода были мне непонятны. Сулейман не мог мне их объяснить: его запас русских слов был недостаточен. Что же оказалось? Во всем ауле не нашлось ни одного лезгина, который бы свободно изъяснялся по-русски. И вот ашуг и его переводчик в знойный день отправились вдоль розово-фиолетовых персиковых кустов в районный центр, чтобы там, в редакции газеты, отыскать лезгина, знающего русский язык.

С тех пор прошло 17 лет. Я снова в Ашага-Стале, вижу новые сады, посаженные на некогда заброшенных, неорошаемых землях, вижу новые дома, хозяйственные постройки, колхозный инкубатор. Чирак — этот примитивный светильник — повсюду заменен электричеством. Но самое поразительное: здесь все говорят по-русски, все — и дети, и старики, и женщины!

В этом маленьком факте, как мне кажется, заключен огромный смысл.

У альманаха «Дружба» — культурный, требовательный, широко мыслящий читатель. Об этом постоянно должна помнить редакция альманаха.

СЕССИЯ ЧЕТЫРЕХ АКАДЕМИЙ

Строгий зал с холодным блеском органных труб на хорах на какое-то мгновенье переносит в прошлое Латвийского университета. Когда-то здесь хозяйничали чванливые корпоранты, велись теологические диспуты, отсюда раздавались требования о запрещении народного образования.

...Зал гудит от множества голосов. Врачи из Лиепаи и Даугавпилса, из Таллина и Вильнюса, молодые и почтенные ученые прибалтийских академий наук, профессора Москвы и Ленинграда — около тысячи человек собралось на расширенное заседание президиума Академии медицинских наук СССР совместно с президиумами академий наук Латвийской, Литовской и Эстонской республик.

Большое внимание научная сессия уделила вопросам профилактики и лечения туберкулеза. Глубоко научное изучение туберкулеза, как и многих других болезней, стало возможным благодаря развитию учения И. П. Павлова, учения, составляющего естественно-научную основу теории и практики советской медицины. Учение И. П. Павлова было в центре внимания сессии.

Широкий обмен мнений вызвал доклад директора Института туберкулеза Академии медицинских наук СССР З. Лебедевой о возникновении, развитии и лечении туберкулеза. Иллюстрируя доклад рентгеновскими снимками, З. Лебедева показала ошибочность старого представления о туберкулезе, якобы начинающемся с «первичного комплекса в легких». В действительности же туберкулез — общее заболевание организма, а поражение легких — это уже последствие.

На экране возникали кадры, повествующие о напряженной и успешной борьбе за жизнь и здоровье человека. Вот шестилетняя Маша, у которой был обнаружен в одном из позвонков серьезный очаг поражения. После года лечения у девочки полностью восстановилась костная структура. Юноша, которому коллектив врачей помог избавиться от тяжелого недуга, смог успешно продолжать учебу в вузе.

За последние годы советские ученые достигли больших результатов в лечении туберкулеза хирургическим путем (при кавернах). Этой теме посвятил свой доклад профессор А. Богуш. Серьезных успехов добились латышские ученые в создании синтетическим путем таких сильных лекарственных средств против туберкулеза, как ПАСК, фурацилин и другие. Большую ценность представляют работы проф. А. Кирхенштейна по применению витаминов в борьбе с заболеваниями.

О новом препарате — необензиноле — для лечения нелегочных форм туберкулеза доложил сессии создатель этого лекарства член-корреспондент Литовской Академии наук профессор И. Кайрюкштис. Этот препарат уже успешно применялся при лечении многих больных.

В прибалтийских республиках в послевоенные годы создана широкая сеть противотуберкулезных учреждений. В результате в Литве, например, заболеваемость туберкулезом среди школьников снизилась за последние три года в пять раз. Столь же значительны успехи в борьбе с туберкулезом в Латвии и Эстонии.

Специальные заседания были посвящены курортным лечебным средствам. Сделали также доклады проф. А. Мясников «Гипертония и ее лечение» и проф. А. Бакулев «Хирургия сердца».

На сессии были рассмотрены и согласованы планы работы ученых-медиков. Обширная программа сессии представляла собой творческий отчет ученых о первых итогах борьбы за выполнение решений XIX съезда партии.

Научная сессия четырех академий помогла еще более укрепить творческое содружество ученых.

ФЕЛЬЕТОН

Дом с мезонином

Спросите у Антона Евсеевича Прокопюка, где он отдыхает нынче летом? Он любезно ответит:

— Конечно, в Разливе...—И добавит.— Мы с женой там каждый год дачку арендуем...

Действительно, как только сойдет снег, Антон Евсеевич направляется в Разлив. Сойдя с электрички, он, не спеша, идет к озеру, на 6-ю Тарховскую улицу. На мгновение останавливается перед большим двухэтажным домом с мезонином и лишь затем открывает калитку и входит во двор. Здесь он, однако, минует дом с мезонином и идет в дальний угол участка, к небольшому строению, похожему не то на сарай, не то на баньку. У дверей он достает из кармана увесистый ключ, отпирает большой висячий замок и входит внутрь строения.

Присев на табуретку, что стоит у окна, он довольно вздыхает.

— Ну, вот я и дома!

Да, Антон Евсеевич действительно дома: двухэтажная дача на 6-й Тарховской, 16— это его собственная дача.

Но, позвольте, что за странность? В чем, собственно, дело? Зачем нашему герою понадобилось держать все это в секрете? Ведь, право же, у нас никому не возбраняется строить дачи и жить в них!

Однако ни сам Прокопюк, ни его семья на своей даче не живут, а сдают ее в аренду. За исключением вышеупомянутого сарайчика, сдается все: и оба этажа, и мезонин, и веранды, и стоящая поодаль от дома летняя кухонька.

На даче поселяются, обычно, детские учреждения, выезжающие на лето за город, — Антон Евсеевич предпочитает иметь дело с солидными арендаторами, занимающими всю площадь дачи оптом. Это куда удобнее, нежели возиться с дачниками-индивидуалами (да и платят учреждения не в пример аккуратнее!).

За годы хозяйствования Антона Евсеевича площадь его дачи увеличилась за счет летних пристроек со ста тридцати до двухсот с лишним квадратных метров.

Доход же, вырученный Антоном Евсеевичем от эксплуатации дачи, за несколько лет составляет в общем итоге 87 тысяч рублей — неплохой «довесок» к окладу, который получает Антон Евсеевич на ленинградском заводе «Электропульт» как инженер по инструменту!

К каким только средствам не прибегает Антон Евсеевич ради увеличения дачных прибылей, ради повышения «рентабельности» своего дачевладения! Сообщая фининспектору сведения о своих доходах, он может и цифру назвать этак тысяч на шесть меньше, нежели фактическая (признайтесь, был такой случай, Антон Евсеевич?), может он и льготой по уплате земельной ренты воспользоваться, не имея на эту льготу никаких законных прав, и так далее...

С 1950 года дом с мезонином находится во владении уже не одного, а двух хозяев. Совладелицей Антона Евсеевича является его собственная супруга Екатерина Федоровна. Ей по «акту дарения» принадлежит теперь ровно половина дачных угодий в Разливе. Увы, даже и в этом благородном акте явственно чувствуется точный экономический расчет! Ведь ежели дачей владеют двое, то и доходы от аренды делятся пополам. Следовательно, и расчет подоходного налога совсем иной.

И как же встревожился Антон Евсеевич, когда ленинградская прокуратура проявила некоторый интерес к его доходам! Чего только не представлялось ему. («Отберут еще дачу, чего доброго!»). Но и тут возобладала в нем коммерческая жилка — половина дачи была объявлена к продаже.

Нас могут спросить: а какое, собственно, вам дело до Антона Евсеевича и его доходов? Ведь дача-то его собственность. Это что же, посягательство на его права?

Нет, мы отнюдь не собираемся посягать на права Антона Евсеевича. Право граждан на их личную собственность, в том числе и на дачи, находящиеся в их владении, в нашей стране оберегается законом. Но... не злоупотребляет ли Антон Евсеевич этим своим правом личной собственности? Не превратил ли он свою личную собственность в предмет спекуляции?

Ведь дача-то стала для него, говоря юридическим языком, источником получения нетрудового дохода. Предпринимательским, частновладельческим душком веет от всех его дачно-хозяйственных «операций»

И откуда только у нашего инженера, двадцать с лишним лет проработавшего на производстве, эта изворотливость мелкого хозяйчика? Откуда берутся эти малопривлекательные для советского человека черты у других таких же «дачевладельцев»?

Вот, скажем, врач-стоматолог 38-й ленинградской поликлиники Александра Васильевна Беленкова. Она — владелица дачи в Сестрорецке, на Зоологическом проспекте, 25. На этой даче свободно мог бы разместиться санаторий. В просторном двухэтажном здании, с верандами, с башенкой и флагштоком, более двадцати комнат. Общая площадь здания — 569 квадратных метров. Владелица дачи бывает здесь не чаще двух-трех раз в год (свой отпуск она предпочитает проводить на Кавказе и в Крыму!). Дача также сдается детским учреждениям (этим летом ее арендует детский сад № 25 Московского района Ленинграда) и приносит Александре Васильевне по 25—30 тысяч рублей каждое лето.

В дачном поселке Лисий Нос, на Холмистой улице, под номером 21, стоит дача, которой «на паях» владеют инженер Василий Степанович Каранчук и его мать Степанида Ивановна Комаровская.

Дачный трест «Степанида Комаровская и Сын» сумел довести коммерческое использование дачной площади до высокой степени совершенства. Дом № 21 по Холмистой улице дает доход в течение круглого года — на лето его сдают дачникам, зимой же он превращается в студенческое общежитие. Прошлую зиму, например, Степанида Ивановна ежемесячно получала от 1-го Ленинградского медицинского института по три тысячи рублей, не считая разного рода «натуральных поборов» в виде дров, угля, оплаты электроэнергии и т. д. Общая же сумма ее дачных доходов за прошлый год составила 29.125 рублей.

Мы точно знаем, как квалифицировать действия человека, который вздумал бы скупать в магазинах товары и затем сбывал бы эти товары по тройным ценам.

Ну, а чем существенно отличается деятельность комаровских, каранчуков, беленковых и прочих дачных коммерсантов?

Пользуясь растущим спросом на дачи, дачепромышленники вздувают цены на свои дома с мезонинами и верандами и втрое, и впятеро, и вдесятеро.

Впрочем, они отлично понимают, что хвататься тут нечем.

Недаром ни звуком не обмолвились о своих дачных «операциях» ни Антон Евсеевич Прокопюк на своем заводе, ни Александра Васильевна Беленкова в своей поликлинике.

Боятся они общественного мнения. Вдруг узнают, вдруг скажут:

— Э... да это ведь чистейшая спекуляция!

А. ПОЛОВНИКОВ

ЛЕНИНГРАД

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«О НЕЗДОРОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ В КИРГИЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ»

Правление Союза советских писателей Киргизии обсудило статью «О нездоровых явлениях в киргизской литературной критике», опубликованную 30 мая 1953 года в «Литературной газете».

В решении правления говорится, что статья «совершенно правильно оценивает состояние литературной критики и итоги IX пленума ССП Киргизии». Правление отметило, что «наряду с хорошими статьями, в отдельных статьях, опубликованных в республиканской печати после пленума ССП, имеют место элементы огульного обвинения авторов некоторых произведений и даже переводов в безидейности, политических и теоретических ошибках».

Правление решило организовать широкое обсуждение вопросов литературной критики в Киргизии.

Новая редакция „Поднятой целины“

И. ЛЕЖНЕВ

1. В 1934 году А. М. Горький выступил с призывом к борьбе за чистоту языка художественной литературы. Тогда же на этот призыв горячо откликнулся М. А. Шолохов. Его статья, напечатанная в «Литературной газете», начиналась словами:

«Многие из советских писателей (в том числе и автор этих строк) погрешны в злоупотреблении «местными речениями». Большинству из нас присущи, в той или иной мере, и другие литературные недостатки».

Недавно в Гослитиздате вышло в свет массовым тиражом новое, исправленное издание первой книги «Поднятой целины». Сличив его с более ранними, мы видим общую тенденцию внесенных исправлений. Автор прежде всего стремился к тому, чтобы книга не только «в общем и целом», но и каждой главой, каждой сценой, самим строем языка была возможно более доступной и доходчивой, полностью понятной читателям.

В новом издании «Поднятой целины» ни в повествовательном языке автора, ни в речи действующих лиц не встречаются более глаголы вроде: вспопáшиться, защелыктать, копырнуться, кузюкать, прилабуниваться, пришкребать, фасцобекаться, южать. Такие глаголы были действительно непонятны читателю.

На страницах нового издания нет уже в авторской речи столь часто мелькавшего слова «сбочь», а в речи персонажей — ажник, ить, ишо, кубыть, кутница, серники, хучь, энтот.

Отказавшись от широкого пользования словарным составом диалекта, автор должен был отойти и от его грамматического строя в речах действующих лиц: в большинстве случаев расхождения с морфологией литературного языка сняты.

Следуя традиции классиков, Шолохов широко пользуется приемом несобственно прямой речи героя; при этом язык авторского повествования, уподобляясь и приближаясь к речи персонажей, содержал в себе диалектные слова. Исправляя роман, автор почти во всех случаях пользования приемом несобственно прямой речи героя, вычеркнул местные слова. Но он в меру сохранил их в прямой речи персонажей.

Если б Шолохов, подготовляя к печати новое издание «Поднятой целины», вычеркнул полностью решительно все местные слова и обороты речи, то этим не исправил бы, а попросту «зарезал» книгу. Нельзя было вместе с водой выплеснуть и ребенка. Надо было с большим художественным вкусом и тонкостью различить, где именно, в чьих устах и какое слово можно опустить или заменить, а какое, наоборот, следует поставить.

Использование элементов диалектной речи донского казачества для наиболее точной и выразительной речевой характеристики действующих лиц и было второй задачей, какую ставил перед собой Шолохов в новой редакции книги.

2. Стиль, говорят, — это человек. Большое мастерство художника-реалиста Шолохова сказывается и в том, что у него речевая характеристика — не простая примета, не внешний опознавательный знак для различения персонажей друг от друга. В складе их речи нет ни малейшей искусственности, преднамеренности, тем паче стилизации. Они просто остаются самими собою, их внутренняя сущность отражена в их словах. Поэтому уже подбором слов и их сочетанием они непроизвольно дают собственную автохарактеристику.

Вот, например, покаянная речь Нагульнова: «Я за колхоз, как агитировал? А вот как: кое-кому из наших злодеев, хотя они и середняки **числются,** прямо говорил: «Не идешь в колхоз? Ты, **значится,** против советской власти? В девятнадцатом году с нами бился, **супротивничал,** я **зараз** против? Ну, тогда и от меня миру не жди. Я тебя, **гада,** так **гробану,** что всем чертям **муторно** станет!» Говорил я так? Говорил! И даже наганом по столу постукивал. Не **отрицаюсь!** Правда, не всем, но иным говорил, какие в душе против нас особенно **напряженные.** И я **зараз** не пьяный, пожалуйста, без **глупостев!..** Но, братцы, братцы, отчего я загибал? И зачем вы мне Троцкого на шею вешаете, **взналыгиваете** меня с ним, что я с ним в **цобах** ходил? Ты, Давыдов, мне все время в глаза **ширял,** что я — левый троцкист... Мне с ним **зараз** зазорно на **одной уровне** стоять! Я не изменник и наперед вас **упреждаю:** кто меня троцкистом назовет — побью морду! До **мослов побью! ...я поспешал** к мировой революции! **Через это** мне и хотелось все поскорее сделать, покруче собственника — мелкого буржуя — завернуть. Все на шаг ближе бы к расправе над мировой **капитализмой!..»**

В речи Нагульнова сказались и передовые идеи нашей великой партии, и слабое освоение им этих идей, невысокий уровень общекультурного его развития. Тут и унаследованная от дедов и отцов лексика (взналыгать, зараз, значится, мослы, муторно, супротивничать, в цобах, ширять); тут и проявления некоторых особенностей морфологии южно-великорусского наречия (глупостев, на одной уровне, не отрицаюсь, через это). Даже переход слова «капитализм» из мужского рода в женский не случаен: это явление, характерное для языковых процессов деревни тех лет. Отложения разнородных пластов языка в речи Нагульнова — это следы пройденного им пути.

Вот почему в цитированном (по старому изданию) отрывке из речи автор изменил сравнительно немного: исправил отклонения от литературных форм склонений и спряжений, слова «в цобах» заменил словами « в одной упряжке», вместо «ширял» поставил «колол». Остальные диалектные слова и фразеологические обороты оправданы, а потому и необходимы: самый склад этой речи воспроизводит социальную сущность и индивидуальную особенность Нагульнова.

Речевая характеристика каждого персонажа, в частности Макара, дана Шолоховым всей совокупностью высказываний героя. Описанные в романе события, составляющие его сюжет, вызывают различные, порою противоречивые реакции такого горячего душою и неровного человека, как Нагульнов. Каждое его высказывание — это внутреннее движение, психологический жест, запечатленный в слове. Склад речи Макара неотъемлем от его образа.

Речи шолоховских героев настолько правдиво в целом и деталях передают отношение человека к окружающим его людям и событиям, так точны и выразительны, а в диалогах столько пружинистой силы и движения, что мы видим героя во весь рост, слышим интонации его голоса, ясно представляем себе не только его настоящее, но и его прошлое,— оно тоже запечатлено в слове. Поэтому, кстати, Шолохов может себе позволить **не** приводить биографии персонажей, как это делают у нас иные даже талантливые романисты, которые отводят целые страницы анкетным справкам о своих героях.

Образцовой речевой характеристикой своих героев Шолохов достигает типичности в двух отношениях. Речь его персонажей типична для самого разговорно-бытового языка определенного слоя крестьянства в определенное историческое время. Сравнивая в этом отношении «Поднятую целину» с «Тихим Доном», мы явственно видим, как вместе с изменениями в жизни казачьего хутора за революционное десятилетие изменился и словарный состав языка казаков. Наряду с этим речь каждого персонажа в ее индивидуальном своеобразии обнаруживает сущность изображаемого лица, как социального типа. И все же речевая характеристика — не единственное средство типизации. Сознавая это, Шолохов поработал над тем, чтобы устранить из романа все то, что прямо или косвенно нарушает принципы типизации. И это была третья задача, какую он разрешал при исправлении книги.

3. Диалектизмы (как и архаизм в историческом романе) — своего рода художественный образ, дополнительная метафора, краска на палитре художника. Пользоваться им нужно в меру. Когда писатель изображает местный быт, рисует местный пейзаж, воспроизводит склад речи местных людей, раскрывает их характер, то иной раз нет лучшего средства художественной выразительности, нежели диалектное слово. Скупо и умело отобранное, оно воссоздает колорит изображаемой общественной среды. Если диалектное слово, сверх того, метко и поэтично по своей образной семантике (а казачий говор обладает этим качеством в высокой степени), оно особенно выигрышно, оно обогащает произведение. И те же диалектизмы портят произведение, когда их много, когда они пестрят.

Как и каждый другой образ, диалектное слово типично, когда оно есть «литературный факт» в горьковском понимании, т. е. «отображает целый ряд повторных явлений действительности в одном явлении». Но там, где писатель упускает из виду необходимость обобщить весь местный говор в малом количестве местных слов, он в языковом отношении **отступает от принципа типизации.** Стремление того или иного писателя «повторить» в своей книге местный говор с точностью фотографии и подменить литературный язык диалектизмами выдает склонность к натуралистической манере письма.

Освобождая «Поднятую целину» от излишних диалектных слов, Шолохов одновременно снял прорвавшиеся кое-где натуралистические подробности в описаниях, — это погрешности **того же порядка,** что и перегрузка диалектизмами.

Описание дикой кровавой расправы Половцева над ни в чем неповинной Марьей Хопровой, застигнутой убийцей полунагой в кровати, несомненно, служит тому, чтобы возможно конкретней и наглядней обнаружить зверскую сущность контрреволюционера и врага колхозов. Эта цель в основном была достигнута и в прежнем тексте романа. Но возросшая взыскательность мастера слова побудила его вновь пересмотреть текст.

Художник критически проверил каждое слово в отдельности и в сочетании с другими словами. Тогда он заметил, что хотя сцена в целом и «работает» в нужном направлении, **привлекая** внимание читателя к бесчеловечному поступку Половцева, отдельные строки **отвлекают** внимание в другую сторону. Оказалось, что иная деталь, вместо того, чтобы **выявить социальную сущность,** подчеркивает **физиологические** моменты и тем **заслоняет** ее. Ясно, почему эти строки были вычеркнуты.

Крепко запомнилась читателю 34-я глава романа, где с таким лиризмом и поэзией, с таким проникновением в душу казака-коммуниста воспроизведен «внутренний монолог» Нагульнова в трудные часы его жизни. Но и в этой главе автор вычеркнул одно допущенное Макаром сравнение: «Земля ить, как кобыла...»

Опустил Шолохов несколько кусков и в предпоследней главе, где описано сближение Давыдова с Лушкой. Единственный во всей книге целиком новый абзац вписан автором именно в этом месте. Связь его героя с Лушкой в новой редакции описана много тоньше, нежели в прежней.

Благодаря сокращениям в ряде мест достигнута еще большая четкость образов.

Давыдов — один из самых сильных, полнокровных и живых образов коммуниста в советской литературе. Отдельные допущенные им ошибки, временные и мелкие погрешности, человеческие слабости читатель не ставит ему в вину. Но все же в одном пункте поведение Давыдова, как оно было изображено в прежних изданиях романа, противоречит социальной сущности образа, его высокому назначению партийного руководителя.

Вмешиваясь в семейную жизнь Нагульнова (главы 13-я и 15-я), Давыдов говорил, что на месте Макара он побил бы Лушку. Образ партийца-рабочего вырос в своей типичности от того, что в речи Давыдова сняты слова: «побил бы». Интересы более глубокой типизации образа потребовали и того, чтобы в описании взаимоотношений Разметнова и Марины Поярковой (глава 5-я) были сняты слова: «и даже несколько раз побил».

Разного рода* исправления коснулись 1.200 мест книги. Правда, значительная часть поправок, например, замена диалектных слов «ажник», «кубыть» литературными эквивалентами повторяется многократно. Но все же цифра 1.200 дает представление о количественном объеме проделанной работы.

4. В первом издании особенно удачные места, счастливые находки автора не всегда выступали вперед с предельной художественной четкостью, «заслоненные» словами и деталями менее выразительными. Они сняты.

Так, в описании «развеселого гульбища» возле красной полевой будки, где верховодила Лушка (глава 39-я), Шолохов отказался одновременно от двух кусков текста: от собственного своего описания игрищ, которое предваряло красочный рассказ бригадира Дубцова о том же и, по сути, дублировало его, а в самом этом рассказе — от несколько анекдотического воспоминания бригадира о харьковской опере.

Оба эти сокращения привели к тому, что самая сердцевина рассказа Дубцова выступила более ярко.

В книгу внесено много стилистических исправлений. Они интересны и в отдельности, но особенно ценны тем, что очистка от дробных соринок повышает художественное качество произведения в целом. Ограничусь несколькими примерами.

В прежней редакции (глава 5-я) было сказано, что Разметнов нес с охоты «вязанку куропаток», но дичь — не дрова; в новом издании исправлено: «связку куропаток». Дальше вместо «закожапевшую ладонь» поставлено: «загрубелую» (глава 9-я). Слова: «печальная озерская синь» (под опухшими глазами) заменены словами: «озерная синь» (глава 15-я). Фраза «Снег **бил** густо, мокро» заменена фразой: «Снег **шел** густой, мокрый», что звучит естественней и спокойней (глава 16-я).

В начале 19-й главы был такой абзац:

«Отделенная от Гремячего Лога полутора тысячами километров, живет и ночью, закованная в камень, Москва: гягуче, призывно ревут паровозные гудки, переборами огромной гармонии звучат автомобильные сирены, лязгают, визжат, скрегочут трамваи. А за ленинским мавзолеем, за кремлевской стеной, на вышнем холодном ветру, в озаренном небе трепещет и свивается полотнище красного флага...»

В этих лирических строках вместо маловыразительных, да и неточных слов «закованная в камень Москва» в новом издании поставлены слова, близкие сердцу: «великая, родная Москва». Вместо трех глаголов: «лязгают, визжат, скрегочут трамваи» — один глагол, меткий и точный: «звенят».

Когда сличаешь новую редакцию «Поднятой целины» с прежними изданиями, вспоминаются слова Давыдова: «Три раза будем полоть, чтобы ни одного сорняка не было на колхозных полях!» Совету своего героя последовал и сам автор: он, можно сказать, в третий раз прополол «Поднятую целину», и она засияла новою красотой.

НОВАЯ ВСТРЕЧА

Б. РОМАШОВ

Каждая новая встреча с молодым писателем является как бы проверкой его творческого роста.

Автора пьесы «Опасный спутник» А. Салынского я знаю с 1943 года, когда, будучи в армии и работая во фронтовой газете, он привез в Москву свою пьесу — один из первых его опытов в драматургии. Это была сатирическая комедия, обличающая мещанство. Мне было приятно читать это свежее, сочное произведение, написанное с большим юмором и смелостью, которая както даже не вязалась со скромным, застенчивым человеком в военной форме...

Уже по этой комедии можно было судить, что автор — безусловно одаренный человек. Хотя многое в пьесе еще некрепко «стояло на ногах», но персонажи были написаны сочной кистью и диалог сделан жизненно и весело. Правда, в его сатире не чувствовалось «открытого окна» в простор жизни, и в таком виде она могла дать несколько искривленное изображение действительности... Прошло некоторое время, и А. Салынский, демобилизовавшись, написал пьесу «Дорога первых», которая поначалу была поставлена в Свердловском драматическом театре и посвящена работе уральских шахтеров. В Москве она идет под названием «Братья».

Пьеса «Опасный спутник» связана с дальнейшим отображением того материала, который автор внимательно изучил на Урале, т. е. с жизнью шахтеров.

И вот что интересно отметить: если в «Дороге первых» («Братья») А. Салынский еще находился во власти производственного материала, и образы пьесы и сюжет невольно подчинялись технологической теме, то в новой пьесе автор резко отошел от такого прямолинейного изображения производства и написал интересное, страстное произведение о новых людях, а также затронул важную проблему фальшивого человека.

Действие происходит тоже на Урале, в маленьком местечке, где существует экспериментальная шахта.

Два молодых инженера — Николай Селихов и Андрей Корчемный — друзья. Один из них — Селихов — предлагает применить новый, прогрессивный метод, чтобы взорвать газ, мешающий добыче угля, и тем самым освободить труд рабочих от постоянной угрозы отравления. Автору удалось ярко показать несколько фигур молодых советских людей, завязать между ними правдивые человеческие отношения и создать конфликт на основе столкновения характеров. Драматург уже далек от того, чтобы ограничиваться только изображением технологического процесса, как это было раньше, нет, ему хочется в простых, но выразительных событиях раскрыть столкновение разных мировоззрений, показать характеры людей изнутри.

Инженер Селихов, молодой, энергичный, но внешне несколько застенчивый, предлагает организовать взрыв таким образом, чтобы управлять им с двух пультов, находящихся внутри шахты. Это вещь рискованная, но она основана на научно проверенных данных. Корчемный не протестует против предложения Селихова. Веселый, жизнерадостный, он, хотя и спорит со своим приятелем по частностям, но соглашается на то, чтобы применить этот метод. Однако во время проведения опыта Корчемный бросает вспомогательный пульт, которым он управлял, а это нарушает общее управление, координацию действий и приводит к взрыву и обвалу в шахте. Тяжело пострадавший при этом Николай Селихов вскоре умирает в больнице...

В обрисовке Селихова и Корчемного Салынский далек от схемы. Оба молодых человека написаны живыми, свежими красками: и внутренне убежденный в успехе своей работы, творчески взволнованный Селихов, человек, несколько скрытный; и веселый, любящий приврать, похвастаться, пустить пыль в глаза Корчемный, которому, тем не менее, нельзя отказать в известном обаянии.

В начале действия к Селихову приезжает Дина Богданова, которую Селихов любит и собирается на ней жениться. Однако у Дины к Николаю только дружеские чувства, ее внимание быстро привлекает темпераментный и горячо изливающий чувства Корчемный. Она влюбляется в него. Николай испытывает не чувство ревности, а глубокое оскорбление, но он объясняет все тем, что любить его, в сущности, не за что. Автор интересно показывает, как развиваются отношения между тремя молодыми инженерами, хотя и не доводит до конца драму, переживаемую Диной.

Кроме этих персонажей, стоящих в центре пьесы, удались драматургу Ася и Бонышков — она работает в управлении, а он — монтер. Это очень хорошо написанная пара. С точки зрения живописи языка, юмора, светлого лиризма, мягкости красок в изображении отношений Аси и Бонышкова А. Салынский достиг той простоты создания сценических образов, какая убеждает в жизненности всего происходящего; знакомясь с Асей и Бонышковым, вы словно видите и других таких же скромных, честных тружеников, которые проходят незаметными тропинками в жизни и редко выходят покрасоваться на ее пригорке.

Хорошо написана драматургом и небольшая роль девочки Кати, дочери рыбака. А. Салынский тонко, акварельной кистью рисует привлекательный облик современной девочки, увлекающейся техникой; в ней хорошо подмечено любопытство и интерес нашей молодежи ко всему смелому, героическому. Поступки и слова Кати необычайно точны, даны без всякого преувеличения и наигрыша, в которые так легко впасть при обрисовке малолетних героев.

Есть в пьесе ряд фигур, менее удавшихся автору. Например, Герой Труда, работающий в шахтоуправлении, по фамилии Лень. Лень не принимает непосредственного участия в развитии действия и, начиная с самой фамилии, как-то нарочито неестественен, придуман. На мой взгляд, недостаточно выразительно написан изобретатель нового метода взрыва, ученый Белышев. Тут автор не нашел ничего своеобразного, отличающего Белышева от ученых-производственников в других пьесах.

Вообще, в пьесе многовато действующих лиц. И, может быть, молодому автору даже не под силу обрисовать с достаточной полнотой это обилие персонажей.

Пьеса А. Салынского горячо написана. Автор заинтересован и глубоко взволнован тем, что происходит в его драме. И взволнованность эта передается читателю.

А. Салынского глубоко интересует духовная жизнь его героев, раскрывающаяся в сложных столкновениях их характеров. И когда растерянный Корчемный возвращается после взрыва из шахты, вы ощущаете, как напряжена вся атмосфера; когда Селихов, находясь в больнице, пытается заглянуть в глаза своего друга, чтобы убедиться в том, что это человек «с двойным дном», — вы чувствуете, что эта проверка приобретает глубокое психологическое содержание... Ведь техника была проверена, метод двухпультового управления был продуман, и Николай Селихов не хочет и не может поверить, что «сдала техника». Нет, сдал человек, считавшийся другом, с которым он делился своими лучшими мечтами, который, в сущности говоря, украл у него любимую девушку или которому он «уступил» эту девушку, потому что подумал, что она Корчемного по-настоящему любит... А этот человек оказался не тем, за кого все его принимали, в душе его какая-то гниль, что-то чужеродное, далекое от нашего советского общества... Все это схвачено остро, убедительно, волнующе. И в этом — большое достоинство пьесы, в которой драматург не только показывает течение событий, а через своих героев передает волнующие всех чувства и мысли...

Да, в нашей жизни есть еще люди, прячущие свое настоящее лицо. И автор говорит, что не надо забывать об этом. Сделано это не назойливо, не иллюстративно, но с чувством драматизма и художественного такта.

Эти черты пьесы А. Салынского мне кажутся очень важными. Мы слишком часто преподносим зрителям все в готовом виде, все «как полагается», словно решается шахматный этюд. А зритель ищет правды жизни, где много противоречий, где многое не сразу открывается; зритель хочет, чтобы автор **пережил то, что он описывает.**

Но несмотря на достоинства пьесы молодого автора, написанной не «лишь бы полегче», а глубоко, с подлинной драматичностью, мне хочется все же указать ее недостатки, причины которых кроются в не окрепшем еще мастерстве автора.

В чем же недостатки пьесы?

Совершенно правильно отказавшись от излишнего технологизма и поставив в центре внимания характеры людей с их психологией, чувствами, мыслями, противоречиями, что, конечно, является основой драмы, А. Салынский все же не всегда еще доверяет тому, что пьеса может быть построена на человеческих взаимоотношениях, на развитии конфликта, который возникает в результате столкновения характеров. Поэтому в некоторых случаях на первом плане оказываются сами события, которые начинают несколько заслонять психологическое раскрытие образов.

Глубина человеческих отношений показана автором еще не в полную меру. Характеры Селихова и Корчемного даны автором сильно, вы их чувствуете; столкновение между ними неизбежно, так как слишком разные по своему существу эти люди. Но в известный момент психологическая пьеса как бы утрачивает очертания подлинно жизненной достоверности и начинает переходить в мелодраму. Когда, например, Андрей Корчемный приходит в больницу к Николаю Селихову и беседует с ним, — появляется некоторый налет мелодраматизма, который, мне кажется, снижает реалистическую глубину пьесы. Правда, эта мелодраматичность заманчива в такой ситуации, но не вернее ли было подойти к последнему «поединку» Николая и Андрея с чувством глубокого реализма, не утрачивая при этом остроты социально-психологического конфликта.

Образ Дины Богдановой играет большую роль в пьесе. Но как она полюбила Корчемного, как возникла эта любовь, заставившая Дину променять дружбу с Селиховым на отношения с Корчемным, мы не знаем.

Как бы ни было тонко возникновение отношений между людьми, оно должно быть так показано драматургом, чтобы дальше было понятно, психологически мотивировано развитие их характеров. Второе действие рисует нам отношения между Селиховым и Диной такими, что вы понимаете, что она его не любит, хотя и приехала к нему, как невеста, что она полюбила другого. Но в то же время вы чувствуете, что Дина — серьезная, неглупая девушка. Почему же эта серьезная, неглупая девушка так быстро влюбляется в Корчемного? Почему она даже ни слова не хочет сказать о своих новых чувствах Селихову, которого давно знает? Наконец, когда драматические обстоятельства заставляют Дину раскрыть глаза и увидеть всю двойственность характера полюбившегося ей человека, когда Дина вырывает у Андрея Корчемного журнал с материалами, обличающими его, и который он пытался сжечь, — то она «с гримасой неприязни смотрит на журнал, как бы сожалея о том, что в ее руках, наконец, правда», и говорит: «А я... я-то думала... может, все-таки не виноват». Так глубоко ее заблуждение. Так сильна ее неожиданно вспыхнувшая страсть к Корчемному. Показывая с большой взволнованностью весь этот момент, всю гамму переживаний, связанных с неожиданным прозрением Дины, автор в то же время не дал психологических предпосылок для всего этого в самом характере девушки — и для подобного увлечения и для такой «гримасы неприязни».

Дина наконец поняла, что скрывается за «обаянием» Корчемного. Но когда он уходит, она «медленно садится, уронив голову на руки», и у нее вырываются такие слова: «Вот и одна ты... Одна... Ушел... А может, его и не было? (Нагибается, поднимает пуговицу). Пуговица и все?»

Мне думается, что автор тут не сумел показать подлинного характера Дины Богдановой, **сожалеющей** в такой момент о том, что она осталась одна, а Корчемный ушел... Умер ее друг, а она жалеет об уходе Корчемного! Здесь что-то «наиграно», что-то не так, как в жизни. Пусть Дина не является девушкой с крупным, волевым характером, но вряд ли после всего пережитого она может так эгоистично оценивать события. Вряд ли она может в эти драматические минуты думать о том, что от нее ушел Корчемный, с которым она и познакомилась-то без году неделя... Да к тому же Дина говорит, что собирается пойти в шахту, что надо сделать все, что не успел сделать Николай. Для такого решения нужно большее раскрытие «внутренних ресурсов» человека, чем это делает автор в пьесе.

Правда, А. Салынский рисует еще один образ девушки — геодезистки Марии Лагуновой, бывшей когда-то санитаркой на фронте. Она по-настоящему любит Селихова. Ее диалог с Николаем в больнице, глубокий, правдивый, искренний, во многом возмещает то чувство неудовлетворенности, которое остается от поведения Дины Богдановой в финале пьесы. Но разве в обрисовке действующих лиц может быть такая «бухгалтерия» с покрытием издержек в одной фигуре за счет успехов другой!

Хотелось бы остановиться и на композиции пьесы.

Первая картина носит несколько эпический характер. Автор искусно рисует пейзаж Урала. После диалога Аси с Конышковым, — как я уже говорил, все их диалоги написаны с теплой интонацией, — появляется Селихов, к которому приезжает из города Дина. Тут же мы узнаем и деловую сторону пьесы из диалога между Корчемным и Селиховым. Разговор этот, конечно, возможен в такой обстановке, но ряд бытовых деталей, жанровых сценок — появление девушек и парней с гармонью, которые поют частушки, — несколько нарочит. Лирический пейзаж, пение девушек, гулянье знакомы нам и по другим пьесам. Было это и у А. Салынского в «Братьях» и в «Девицах-красавицах» А. Симукова (скоро, вероятно, станет вообще трафаретом). Правда, А. Салынский вносит много свежих, жизненных красок, но от этого узел драматических событий не завязывается быстрей. Тут автором владеет желание «не потерять сразу зрителя». Это явление — опять-таки своеобразная «корь» молодой драматургии, когда обязательно в начале пьесы показываются такие вещи, которые приукрашают основную линию («так вернее»).

Отсутствие драматической компактности резко сказывается и в том, что первое действие у А. Салынского разделено на две картины.

В этом есть некоторая схематичность. Подразделение действия мало оправдано. Автор, бесспорно, владеет ощущением жизни. Его люди, диалоги, как правило, правдоподобны, в языке — живые интонации, свежие переливы, но все же построение пьесы еще не совсем «утряслось».

Аморфность развития действия пьесы уже ясно чувствуется в первом акте и в дальнейшем дает себя знать в некоторой эпизодичности, разорванности ткани произведения. Иногда это происходит потому, что автор не вполне ясно представляет структуру пьесы в целом и не полностью использует возможности всех персонажей для развития замысла. Автор то и дело прибегает к диалогам между двумя парами: Диной и Селиховым, Диной и Корчемным; симпатичная пара Конышкова и Аси остается несколько в стороне от основной магистрали.

Все это — погрешности композиции, во многом вполне исправимые вместе с театром. Гораздо труднее будет с образами, которые не удались, — Лень, Белышев...

А. Салынский не только пишет, но и видит и слышит то, что пишет, что очень важно для драматурга, потому что мы связаны с так называемой звучащей речью. Драматург обладает способностью так пользоваться репликами, что они делаются своеобразным бумерангом — летят в зрительный зал, неся интересные мысли, и возвращаются обратно в его руки. Недавно на «Дачниках» в Художественном театре я целый вечер наслаждался той особой, неповторимой, острой речью, которой Горький наделяет своих героев. Этому мастерству владения речью, отобранной, летящей к зрителю и несущей мысль, всем нам нужно учиться.

Разумеется, этого еще нет в пьесе А. Салынского, но он умело и со вкусом пользуется общенародным языком, наблюдает его и изучает.

А. Салынский ставит в своей пьесе серьезную этическую проблему, которая переходит в политическую проблему о бдительности, и ставит ее не банально. Как художник, автор пользуется тем материалом, который хорошо знает и чувствует. Но умение сказать что-то свое через героев остается неотъемлемым правом драматурга. Хотя пьеса не является диссертацией, но театр все же является трибуной. И поэтому мне хочется предъявить автору несколько претензий, может быть, и не вполне им разделяемых. Мне кажется, что современный герой, советский молодой человек, который создает новую жизнь, должен быть наделен чертами большей активности. В результате аварии Селихов выбывает из строя. Это самопожертвование приносит пользу науке, строительству. Но у автора не остается других образов, чтобы показать молодых людей, которые, выхватывая у Селихова эстафету наступления во имя будущего, продолжают его дело вместе с другими.

Некоторый элемент ущербности есть в судьбе героя. Это свойство мне кажется не характерным, не типичным для современного молодого советского человека. Кому передает Селихов свою эстафету? Дине Богдановой? Но, как мы уже отмечали, характер ее еще не вполне отчетливо обрисован автором. Марусе Лагуновой? Но автор еще не ввел ее в самое действие.

Фальшивый человек Корчемный, показанный очень цепким, вертким, недостаточно изобличен в пьесе. И у читателя остается чувство некоторой неудовлетворенности судьбой действующих лиц. Мне бы хотелось, чтобы зрительный зал от души, горячо аплодировал тому, кто должен звать вперед, кто изобличает отсталое и подлое. Жизнь принадлежит лучшим молодым людям, несмотря на то, что есть еще и фальшь, и гниль, и всякого рода мерзость. И эти лучшие идут стройной, смелой, не знающей страха колонной. И мне хочется, чтобы их духом повеяло со сцены.

Обрисовка героев должна быть такова, чтобы общий оптимистичный, жизнеутверждающий характер не снижался в пьесе даже в случае гибели героя.

Это активное наступательное движение нужно сохранить в нашей драматургии и особенно в тех пьесах, которые ставят серьезные этические проблемы.

Такова общая оценка интересной пьесы, в которой А. Салынский затронул — горячо и страстно — животрепещущие вопросы и вошел в духовный мир советского молодого человека. Надо думать, что автор продолжит работу над произведением, в результате чего характеры станут еще более углубленными и в пьесе еще ярче проявится ее смелый обличительный пафос. Но и в таком виде пьеса «Опасный спутник» представляется бесспорным движением драматурга вперед. Разнообразие его приемов, умение живописать духовную жизнь людей, чувство страстной заинтересованности — это черты нашей передовой, растущей драматургии.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Творческие связи

...В столицу Украины приехали гости — армянские писатели Наири Зарян, Геворг Эмин, критик Акоп Салахян. На собрании, посвященном дружеской встрече, известный украинский поэт Павло Тычина приветствует гостей на армянском языке. Гости не остаются в долгу — молодой критик Салахян начинает свое выступление на украинском языке...

Таких ярких штрихов, красноречиво говорящих о крепких узах дружбы, связывающих братские народы нашей страны, немало в очерке Наири Заряна «Улыбка Киева». Очерк напечатан в армянской литературной газете «Гракан Терт». Автор не ограничился рассказом о литературных встречах. Он поведал о творческой, трудовой жизни Украины...

Просматривая последние номера «Гракан Терт», видишь, что редакция газеты находит интересные и разнообразные формы для живого показа дружбы народов СССР, нерушимого единства социалистических наций. Отмечая 30-летие со дня смерти Ованеса Туманяна, газета поместила в числе других статей материал о том, как отметила эту дату общественность различных республик. Не только в больших городах Украины, но и в Броварском районе, в библиотеке села Бервица собрались читатели, чтоб услышать о творчестве Туманяна. В этом маленьком факте, как в капле воды, отразился большой исторический факт — кровный интерес широких масс одного народа нашей многонациональной Родины к жизни и культуре другого народа. Жители Украины, сообщает газета, «читают на своем родном языке Н. Заряна, Г. Саряна, О. Шираза, Г. Боряна, Г. Эмина, С. Капутикян и других».

С обстоятельными статьями о жизни братских республик, их литературе и искусстве выступают в своей литературной газете народный поэт Армении Аветик Исаакян, Дереник Демирчян, Гурген Борян, Степан Зорян, Наири Зарян. «Гракан Терт» регулярно печатает также произведения и статьи литераторов братских республик: русских писателей и критиков, грузинских, азербайджанских, украинских литераторов. Георгий Леонидзе и Шалва Дадиани, Мехти Гусейн и Мир-Джалал рассказали о жизни своих республик, поделились с армянскими читателями своими творческими планами. «Азербайджанские писатели, — говорит в своей статье Мехти Гусейн, — гордятся тем, что многие произведения нашей литературы посвящены братской дружбе народов».

Газета ввела постоянный раздел, освещающий жизнь литературы и искусства закавказских республик — соседей. Армянский читатель узнает о новых постановках тбилисских театров, о новых книгах писателей Грузии и Азербайджана.

Одна из передовых статей газеты «Гракан Терт» называется «Литературные связи братских народов». В передовой показано, как отражается дружба народов СССР, их идейное единство во взаимосвязи литератур, взаимоизданиях произведений писателей братских республик. Помимо большого количества изданий книг национальных писателей на русском языке, являющемся связующим звеном в культурном общении наших народов, в республиках на своем языке издаются книги писателей братских народов. В Армении вышла недавно «Антология азербайджанской поэзии», сборник произведений детских грузинских писателей «Весна Грузии». В Азербайджане готовится издание антологий армянской поэзии и прозы.

«Грузинский поэт С. Чиковани, — сообщает «Гракан Терт», — работает сейчас над циклом стихов о Советской Армении, азербайджанец М. Рагим издал стихи об Ереване, армянский поэт В. Давтян посвятил цикл стихов Грузии, С. Таронци — Латвии».

Так решает литературная газета Армении одну из важнейших своих задач — показ дружбы народов СССР.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В КАЗАХСТАНЕ

ПЕРЕВОДЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. МАЯКОВСКОГО

Некоторым вопросам перевода произведений В. Маяковского на казахский язык было посвящено собрание, состоявшееся недавно в Алма-Ате. На собрании присутствовали писатели, педагоги, сотрудники республиканской Академии наук, студенты.

С докладом выступил Т. Алимкулов — воспитанник Московского литературного института имени А. М. Горького. Собрание отметило, что в работе переводчиков наряду с удачами имеется много серьезных ошибок и даже извращений. Часть казахских переводчиков неправильно понимает новаторскую форму Маяковского, создает переводы искаженные и мало понятные широкому кругу читателей. Другие впадают в противоположную крайность. В их переводах стихи Маяковского приобретают медлительную псевдонапевность и цветистость, присущую так называемой «восточной» поэзии прошлого.

«АННА КАРЕНИНА» И «ВОЙНА И МИР» НА КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В связи с предстоящим 125-летием со дня рождения Льва Толстого Союз советских писателей республики и Казахское государственное издательство художественной литературы ведут подготовку к изданию на казахском языке романов «Анна Каренина» и «Война и мир». В этом году выйдет в свет первый том «Анны Карениной» (четыре части) в переводе писателя Г. Орманова. В течение 1954—1955 годов будут переведены и изданы остальные части этого романа, а также эпопея «Война и мир».

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛОВ

В этом году в Казахской республике издается на русском языке ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Советский Казахстан». Президиум ССП Казахстана обсудил произведения, опубликованные в очередных номерах журнала: окончание повести В. Ванюшина «Точка опоры», повесть М. Цыбенко «Дальние дороги», рассказы молодых писателей, стихи казахских и русских поэтов, живущих в республике.

В разделе очерков, помещенных под рубрикой «По родной республике», напечатана интересная работа В. Бирюкова «Первый зодчий» из истории Алма-Аты. В журнале появились новые отделы — публицистики, сатиры, а также хроника литературной жизни. Слабым разделом остается литературно-критический.

Президиум отметил недостаточную связь редакции с творческими секциями, отсутствие плановости и коллегиальности в работе редколлегии; в журнале мало публикуется переводов казахской прозы.

Дм. СНЕГИН,
корреспондент «Литературной газеты»

АЛМА-АТА. (По телеграфу)

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕМИЙ МИРА

УИЛЬЯМ ДЮБУА

На сессии Всемирного Совета Мира в Будапеште Международная премия мира в числе других деятелей культуры присуждена американскому ученому Уильяму Дюбуа.

«Движение в защиту мира, — пишет Дюбуа в своей вышедшей в прошлом году книге «В борьбе за мир», — насчитывает в США многолетнюю давность и заслуживает уважения». Одним из ветеранов этого движения является сам 85-летний ученый. Еще сорок лет назад, будучи уже известным историком негритянской культуры, Дюбуа писал в журнале «Крайзис», обличая зачинщиков международных конфликтов: «Величайшей и почти единственной причиной войн между так называемыми цивилизованными народами является современная жажда захвата земель и рабов в Африке, Азии и южных морях».

В своих публицистических произведениях («Души черного народа» — 1903, «Темная вода» — 1920, «Прошлое и настоящее черного народа» — 1939) Дюбуа страстно выступал против колониального разбоя, за равенство наций, показывал, какой богатый вклад внесен неграми в американскую культуру. Эти же идеи нашли свое воплощение и в ряде значительных художественных произведений Дюбуа.

Современное движение сторонников мира с самого его возникновения нашло в Дюбуа своего ревностного поборника. Он участвовал в работе Парижского Конгресса сторонников мира, был в числе иностранных гостей на первой Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве; на Варшавском Конгрессе Дюбуа избран в состав Всемирного Совета Мира.

Уильям Дюбуа

Несмотря на преследования американских властей, старейший американский ученый неутомимо продолжает бороться за мир. В 1952 году он выпустил две книги: памфлет «Мир опасен», разоблачающий тех, кто заинтересован в новой войне, и работу «В борьбе за мир», носящую биографический характер, в которой ученый рассказывает о своей общественной деятельности последних лет.

Мы публикуем сегодня отрывок из статьи Уильяма Дюбуа «Я сделал выбор», в которой ученый-борец, обращаясь к своим соотечественникам, говорит о том, что привело его в лагерь мира, и выражает протест против обстановки военной истерии, царящей в США.

Уильям ДЮБУА

Я СДЕЛАЛ ВЫБОР

Не думал я, что доживу до такого дня, когда свободу слова и свободу мнений будут так яростно душить в Соединенных Штатах, как это делают сегодня. Ныне в этой свободной стране ни один человек не может быть уверен, что заработает на жизнь, избежит клеветы, насилия и тюремного заключения, если только публично и многократно не заявит, что он

ненавидит Россию;

является противником социализма и коммунизма;

всеми силами поддерживает войну в Корее;

готов пойти на любые затраты для войны, где бы и когда бы она ни началась;

согласен воевать против Советского Союза, Китая, да и любой страны или даже всех стран, вместе взятых;

поддерживает применение атомной бомбы и других видов оружия массового уничтожения, а противников их считает изменниками;

наконец, что он

не только сам придерживается подобных взглядов, но готов шпионить за соседями и поносить их, если они не разделяют его убеждений.

Достаточно сформулировать это «кредо», чтоб убедиться, что оно является воплощением безумия. Что же можно сделать, чтобы помочь Америке обрести разум? Многие говорят: «Не делай ничего, сиди тихо, спрячь голову перед бурей. Если нужно, — лги, принимай участие в «охоте на ведьм», поклянись, что никогда, решительно никогда ты не сочувствовал русским людям в их борьбе за свободу, что никогда в своей жизни ты не принадлежал ни к одной либеральной организации и не имел ни одного друга, который участвовал в таковой; а если случилось с тобой что-либо подобное, значит, ты был обманут, введен в заблуждение, просто был дураком».

Мне нужны прогресс, просвещение, охрана здоровья широких масс, я хочу, чтобы люди получали достаточную заработную плату и пенсию в старости; я хочу, чтобы все имели работу и чтобы безработным и больным оказывалась помощь; я хочу, чтобы строились общественные сооружения и улучшались условия жизни. Я хочу свободы для моего народа. И потому, что мне и вам хорошо известно, что у нас ничего этого не будет, пока мы продолжаем воевать, убивать и предавать огню во имя колоссальных прибылей монополий, я вступаю в ряды миллионов людей всех наций, возглашающих: «Да здравствует мир! Долой войну!»

Неудачная книга

Создание высокохудожественных научно-популярных книг, а в их числе биографий великих деятелей науки, представляет собой важную задачу советской литературы, которая может быть решена в творческом содружестве советских писателей и ученых. За последнее время нашими учеными и писателями созданы популярные книги, посвященные жизни и деятельности славного сына нашей Родины, великого физиолога Ивана Петровича Павлова. Но эта тема далеко не исчерпана. Литераторы должны стремиться еще полнее донести глубокое содержание научных работ и благородный пример жизни И. П. Павлова до советских детей, юношей и девушек, которые идут на смену нашему поколению деятелей науки.

К числу весьма неудачных попыток в этом отношении следует отнести книгу М. Нарышкиной «Рассказы о Павлове», изданную Детгизом в 1952 году для детей среднего возраста.

Рассказ о жизни великого естествоиспытателя немыслим без описания его великих открытий, его опытов и выводов. При этом писатель должен проявить максимальную точность в изложении научных фактов. М. Нарышкина, игнорируя именно этот основной принцип, небрежно и ошибочно излагает сущность работ великого физиолога, историю его научных открытий.

Автор приписывает великому физиологу те опыты, которых он не осуществлял, в частности, опыт с пересадкой селезенки под кожу для наблюдений за изменениями ее размера, когда собаке показывали кошку. М. Нарышкина выдумывает при этом какие-то «неподвижные» нервы. Говоря об операции фистулы желудка, автор книги утверждает, что до И. П. Павлова «никому еще она не удавалась». В действительности такая операция была осуществлена в 1842 году предшественником И. П. Павлова — московским физиологом В. А. Басовым.

Описывая широко известные опыты и наблюдения И. П. Павлова и его учеников, М. Нарышкина допускает и другие грубые ошибки.

Книга М. Нарышкиной вульгаризирует стиль павловского анализа сложных форм высшей нервной деятельности, игнорирует великий принцип Павлова — применять при объяснении сложных явлений поведения животных точные естественно-научные термины. М. Нарышкина, описывая один из опытов Павлова, где нужна максимально объективная естественно-научная терминология, позволяет себе писать следующее: «Лиска втянула носом воздух, заюлила, завиляла хвостом. А в пробирку уже падают капли желудочного сока.

— Нуте-ка? — торжествующе спрашивает Иван Петрович.

Но теперь-то всем уже ясно — это нервы, ведающие (?) обонянием, сообщили (?) в мозг: «Пахнет колбасой».

Как все просто и ясно!».

Однако все это «просто и ясно» лишь при профанации физиологии, совершенно недопустимой в научно-популярной литературе о творце этой отрасли науки — И. П. Павлове.

Вместо того, чтобы приблизить наше юношество к чудесному роднику взыскательной, чистой, правильной русской речи И. П. Павлова, М. Нарышкина наделяет великого физиолога такого рода фразами: «Нам подавай законы, управляющие организмом...»

Великий критик В. Г. Белинский, оценивая замечательную биографию М. В. Ломоносова, написанную Ксенофонтом Полевым, указывал, что, если писатель ставит перед собой задачу создать биографию ученого, он должен «...дополнить, расцветить воображением известные факты, оттушевать фантазией сухой очерк. Так и сделал г. Полевой. Он не позволил себе ни одного вымышленного факта: у него есть вымысел; но он состоит в расцветлении живыми подробностями какого-нибудь известного факта».

Книга М. Нарышкиной представляет собой яркий пример нарушения этого важного требования к популярной литературе. Писательница не только позволила себе привести вымышленные факты в области самой научной работы великого физиолога, но и допустила антихудожественный вымысел в его биографии.

Недоумение вызывает, например, глава «Головной мозг чистокровного янки». Вместо того, чтобы рассказать нашему юношеству действительную и очень поучительную историю отказа И. П. Павлова покинуть Родину, показать подлинный героизм его напряженной работы в тяжелых условиях голодного и холодного Петрограда, М. Нарышкина выдумывает историю приезда к нему какого-то американского дельца, который, выполняя поручение какой-то фирмы, говорит Павлову, что он «должен согласиться заняться изучением мозга чистокровного янки» и «доказать его исключительное превосходство перед мозгом чернокожих, славян и прочих».

В трудах И. П. Павлова, в его высказываниях имеется немало ярких примеров, дающих возможность рассказать нашему юношеству о страстной полемике И. П. Павлова с американскими физиологами-идеалистами, о его споре с реакционным американским генетиком Морганом, наконец, о его протесте против американского образа жизни, который он испытал на себе самом, будучи ограбленным среди бела дня на одной из улиц большого американского города. Занимательные рассказы об этом, опирающиеся на подлинные факты, были бы куда более полезны, чем эта наспех состряпанная глава.

В книге есть и другая фальшивая нота. Когда английские ученые после присуждения И. П. Павлову степени почетного доктора Кембриджского университета обращаются к нему с вопросом, не намерен ли он осмотреть достопримечательности Англии, М. Нарышкина вкладывает в уста Павлова следующий неожиданный ответ: «Посмотрел бы, да недосуг». Таким мы не знали Павлова. Павлов жадно интересовался картинными галереями, историческими памятниками, наконец, с большим интересом осматривал научные учреждения тех стран, которые он посещал. И это стоило бы тоже показать нашему юношеству, раскрывая многогранную личность великого ученого.

Сказанного достаточно для того, чтобы показать, что Детгиз оказался весьма невзыскательным, издав в таком виде книгу М. Нарышкиной.

Х. КОШТОЯНЦ,
член-корреспондент Академии наук СССР, директор Института истории естествознания Академии наук СССР

М. Нарышкина. «Рассказы о Павлове». Детгиз. 1952. Москва—Ленинград. 91 стр.

В БЕРЛИНЕ

ОБЗОР НЕМЕЦКОЙ ПЕЧАТИ

Три недели прошло с тех пор, как 17 июня иностранные наймиты организовали фашистские провокации в демократическом секторе Берлина и в ряде других городов Германской Демократической Республики, закончившиеся полным провалом. Факты свидетельствуют о том, что трудящиеся Германской Демократической Республики сплачиваются все теснее вокруг правительства и горячо одобряют новый курс, направленный на повышение уровня жизни всех слоев населения.

Стремление возможно быстрее и успешнее реализовать постановления правительства ГДР охватило всех немецких трудящихся.

Одним из важных событий последних дней явилось обращение премьер-министра ГДР Отто Гротеволя ко всем крестьянам республики, уже напечатанное в московских газетах.

По всей республике местные власти в округах и районах, учитывая пожелания трудящихся города и деревни, ассигнуют дополнительные средства для удовлетворения потребностей и нужд населения. Многие сотни миллионов марок вкладываются сейчас в строительство новых жилых домов для трудящихся, в ремонт квартир рабочих.

Свидетельством все возрастающей заботы о населении является ряд решений магистрата Большого Берлина, опубликованных в сегодняшних газетах. Около 150 тысяч берлинских детей организованно проведут свои летние каникулы в специально оборудованных лагерях, на оздоровительных площадках, создаваемых на средства объединения свободных немецких профсоюзов и демократического магистрата.

«Нейес Дейчланд» сообщает также о повышении окладов преподавателям производственных школ. Большое количество материалов, по сообщениям газет, выделяется для дополнительного строительства детских, лечебных, культурных и спортивных сооружений в столице.

Берлинская печать сообщает факты, проливающие дополнительный свет на события 17 июня и разоблачающие вдохновителей фашистских провокаций.

Известно, что западная буржуазная печать громоздит монбланы лжи по поводу событий в Берлине. Прислужники Аденауэра, Кайзера, Рейтера и их иностранные покровители идут на фальсификации и, конечно, плюхаются в лужу.

В этом смысле примечательны отчеты о судебных процессах над фашистскими провокаторами — активными участниками пресловутого «дня икс». «Нейес Дейчланд», например, помещает корреспонденцию о суде над некими Вернером Ригером и Гюнтером Энгелем. Их биографии тождественны. Оба они когда-то жили в ГДР, оба учились за счет государства. Однако ни тот, ни другой не сочли нужным отплатить государству честным трудом. Им захотелось жить беспечно за счет других.

С легким сердцем они променяли почетную профессию строителя на судьбу бездомных бродяг в западных секторах Берлина. Оба они вскоре сделались добычей иностранных шпионских организаций.

Процесс, о котором пишет «Нейес Дейчланд», показал, что так называемые лагери для беженцев в Западном Берлине на самом деле были рассадником фашистской агентуры, нахлынувшей в демократический сектор в «день икс». Именно там, в одном из таких лагерей, Гюнтер Энгель и Вернер Ригер вступили на путь подрывной работы против своего отечества. Отсюда они, подкупленные за небольшую плату, направились 17 июня в демократический сектор немецкой столицы, чтобы бесчинствовать и грабить, поджигать и калечить людей.

Гюнтер Энгель, например, разбивал витрины магазинов, зверски избил 57-летнюю женщину. Затем, возвратившись вместе с группой бандитов в помещение продовольственного магазина, он украл здесь папиросы, табачные изделия, вина. Пока бандиты орудовали внутри здания, к подъезду подъехала автомашина, в которую были погружены награбленные товары.

Второй провокатор Вернер Ригер признался на суде, что действовал в таком же духе. Оба фашистских бандита понесли заслуженную кару. Каждый из них приговорен к 7 годам тюрьмы. Этот приговор встречен немецкой демократической общественностью с большим удовлетворением.

Неопровержимые факты убедительно показывают, что провокации 17 июня готовились на иностранные деньги. В эти дни даже на страницах буржуазных газет слышны трезвые голоса, которые справедливо указывают на то, какую огромную опасность таила в себе фашистская провокация для дела мира.

Особенное беспокойство проявляет французская печать. В сегодняшнем номере берлинской газеты «Рундшау ам Монтаг» приводятся комментарии парижской газеты «Монд» о «дне икс». «Рундшау ам Монтаг» приводит следующие слова из этой газеты: — Если бы «день икс» произошел уже при существовании предусмотренной договором «о европейском оборонительном сообществе» западногерманской армии, то боннское правительство использовало бы этот день в качестве повода для крестового похода не только против ГДР, но и против областей, лежащих по ту сторону Одера и Нейсе. А этот крестовый поход, продолжает «Монд», привел бы очень скоро к третьей мировой войне.

Трудящиеся республики, горячо взявшись за работу, полны решимости до конца разоблачать всех фашистских провокаторов, добиваться создания единой, демократической и миролюбивой Германии.

М. КАРПОВИЧ

БЕРЛИН, 6 июля. (По телефону)

РАБСКИЙ ТРУД ДЕТЕЙ

Тяжел и изнурителен труд африканского населения Западной Африки, где расположены британские колонии Нигерия, Золотой Берег, Сиерра-Леоне и другие колониальные страны, известные под общим названием Гвинеи. Коренные жители Африки, которым по праву должна была бы принадлежать плодородная земля вдоль прибрежной полосы Атлантического океана, от зари до зари работают на плантациях колонизаторов. Не только взрослые, но и дети не разгибают спины под палящим африканским солнцем, переносят тяжести за грошовую оплату.

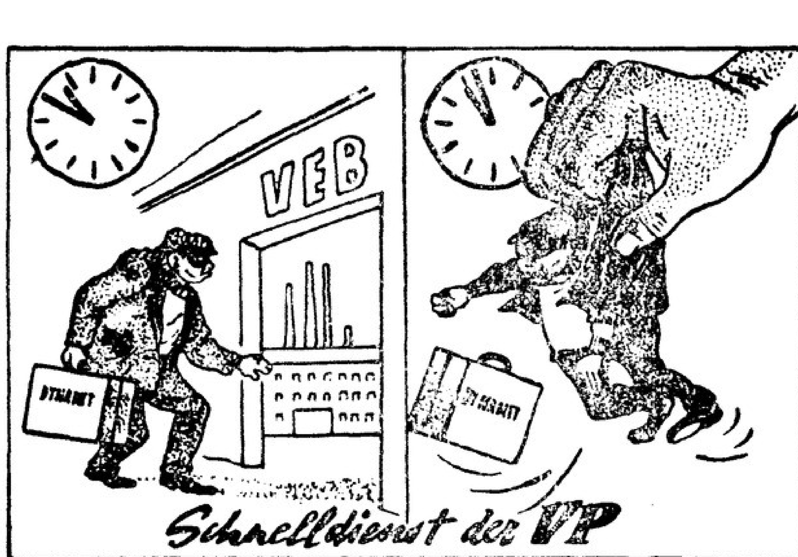
На снимке — группа гвинейских детей, работающих на погрузке бананов.

Снимок из австрийского еженедельника «Вельт-иллюстрирте»

КОГО ВЫСМЕИВАЮТ НЕМЦЫ...

«Только в качестве пугала на поле имеет Рейтер право на существование»

Вот диверсант, пойманный с поличным народной полицией...

«Найдешь, коллега, выбор здесь богатый призывов и рисунков для плаката!» — под таким заголовком в журнале «Фришер винд», выходящем в Германской Демократической Республике, была опубликована недавно серия карикатур на злободневные темы.

Рисунки эти можно долго разглядывать, в стихотворные тексты, при всей их непритязательности, интересно вчитываться. Они показывают, над кем смеется и кого высмеивает народ Германской Демократической Республики, чему он улыбается, чему радуется...

Вот бургомистр Западного Берлина Рейтер в виде огородного чучела. Подпись поясняет, что это — единственное, для чего он пригоден. Вот он же в виде автомата. В него бросают доллары, а он поднимает руку в фашистском приветствии и из всех рупоров начинает вопить о свободе.

В петле, затянутой мускулистыми трудовыми руками, болтается утка — очередной клеветнический вымысел американского радиопередатчика «Риас», того самого «Риас», который принимал непосредственное участие в подготовке провокации 17 июня. Тот же «Риас», снова в виде утки, пригвожденный на месте преступления...

Вот Аденауэр и Олленхауэр. Они изображены, как сросшиеся близнецы, только не сиамские, а амийские. (В Германии американцев называют «ами»).

Рука рабочего-строителя выбрасывает саботажника, который держит узелок с долларовой подачкой — сребрениками Иуды, предающего свой народ.

Утка американской радиостанции «РИАС»

Аденауэр и Олленхауэр — амийские близнецы

Вот диверсант, пойманный с поличным народной полицией, когда он подкрадывался к воротам народного предприятия.

А вот другие рисунки: красная стрела с надписью «Снижение себестоимости» поражает, словно молния, лентяя и прогульщика; медведь — старинная эмблема немецкой столицы — приплясывает в обнимку с новым многоэтажным домом, которых все больше вырастает в демократическом Берлине...

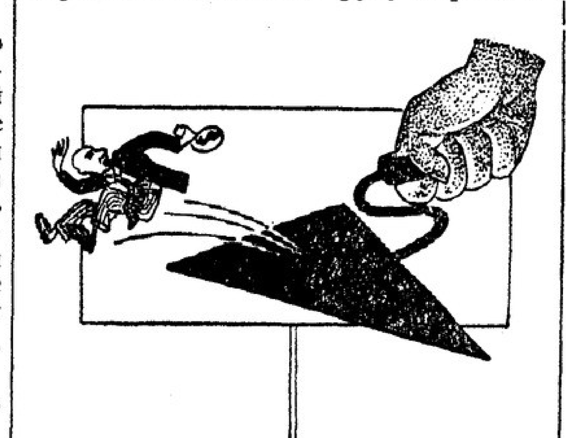
Плакаты, призывающие крепить хозяйство ГДР, развертывать критику и самокритику, бороться за качество продукции...

Таковы рисунки. Некоторые из них мы здесь воспроизводим.

А вот и двустишия. Построенные на каламбурах, они не очень-то легки для перевода:

Глянь! — пресловутой политикой силы
Сам себе Рейтер копает могилу.

Для саботажников и прочего сброда
Строжайший суд — это суд народа.

Рука рабочего-строителя выбрасывает саботажника...

Снижение себестоимости наносит удар...

Агентам не на что здесь надеяться —
У нас для них решетка имеется.

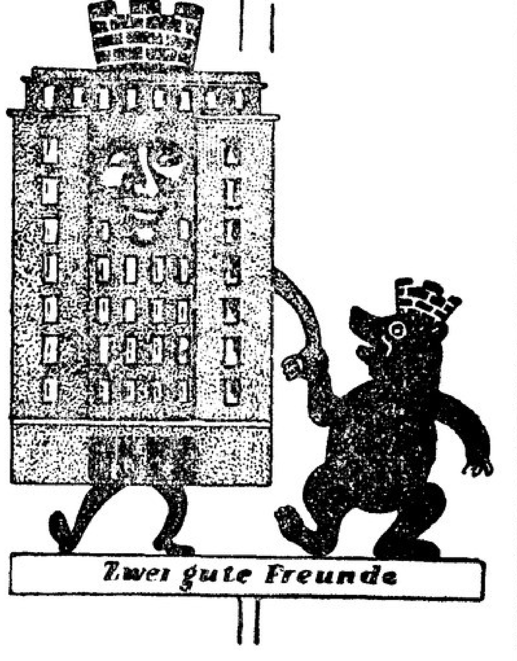
Будь бдителен, гляди в оба,
Тогда доведешь саботаж до гроба.

Если рабочие объединятся,
Шарновскому* к чорту придется убраться!

Объединение — наша задача.
А Рейтера к чорту! Мы не заплачем.

«Фришер винд» — значит «свежий ветер». Ветром строительства новой жизни веет с его страниц. «Шершавым языком плаката» служат этому великому делу художники демократической Германии.

* Шарновский — председатель желтых профсоюзов Западного Берлина, подстрекавший 17 июня к провокациям и диверсиям против ГДР.

Два хороших друга

Рисунки из немецкого журнала «Фришер винд»

Петер ВИПП, немецкий писатель

Верный путь

Рассказ

Скандал разразился в дальнем углу барака под пестрым плакатом, рекламирующим кока-кола Он начался, как всегда, с грубых ругательств, за которыми последовали дикие крики Послышался треск досок, с грохотом полетели на пол горшки и жестяные тарелки; вдребезги разлетелось оконное стекло. В общем шуме раздался пронзительный детский плач. Зашатались настланные в два яруса нары С другого конца барака кто-то швырнул в группу сорвившихся деревянную колоду, и одна из женщин, обливаясь кровью, упала на пол Внезапно поднялся крик в противоположном конце и в боковых проходах барака; тут и там наступали друг на друга растрепанные женщины с искаженными злобой лицами; мужчины с проклятиями спускались с нар и бросались в общую свалку

Марта Конрад рванула к себе своих детей и вместе с другими женщинами выбежала на асфальтированный двор. Дети жалобно плакали от страха. Взглянув на их бледные, растерянные лица, мать лишилась остатков мужества и, опустившись на груду валявшегося посреди двора хлама, громко разрыдалась Отчаяние последних дней захлестнуло ее; закрыв лицо руками, она громко плакала, проклиная судьбу, забросившую ее в этот ад Как в тумане, возникла перед ней ее тихая лейпцигская квартира, и мелкие невзгоды, которые из-за непрестанного брюзжания мужа казались непереносимыми, представились ей теперь в совсем ином свете Она порывисто прижала к себе детей Судьба? Ах, какая там судьба! Слабость, сумасбродство, ослепление... Уже сейчас глаза детей обвиняли ее...

После появления в бараке полицейских с резиновыми дубинками скандал стал постепенно стихать. Одну женщину унесли на носилках, нескольких других вывели Штуммовские полицейские смеялись: они не воспринимали происшествие трагически. Такие потасовки — повседневное явление в так называемом лагере беженцев, этом скопище сбившихся с пути людей, в этом пестром сборище несчастных и легкомысленных...

По двору проходила истощенная женщина с жестяной кружкой, полной воды. Она остановилась на мгновение возле груды хлама.

«Вот они и снова неплохо похозяйничали, — язвительно сказала она — Человек человеку — волк... И так каждый день. Ну, да ничего не поделаешь... Такова теперь наша жизнь».

Человек человеку — волк...

Марта Конрад отерла с лица слезы. Она двигалась так, словно проснулась после долгого, тяжелого сна. Сердце билось сильнее, она почувствовала теплоту вздрагивающих детских ручонок, и на минуту мысли ее остановились на муже: ведь это он склонил ее к этому бегству в неизвестность! Теперь он слоняется в поисках работы по Западной Германии Если после всех разочарований он узнает, что мы... И Марта почувствовала,— впервые,— что и он найдет верный путь. «Пойдемте,— сказала она — Пойдемте скорее».

Мать шла быстро, не оборачиваясь Дети хныкали, но, как ни малы они были, и они понимали, что очень важно поскорее уйти отсюда. Лишь отойдя далеко, Марта Конрад заметила, что дорога залита солнцем, и в шорохе молодых листьев ощутила дыхание теплого ветра. На сердце стало легче...

«Попаду ли я отсюда в тот, другой сектор?» — спросила она у остановки автобуса.

Группа людей, стоявших поблизости, повернулась к ней. «Вы как раз на правильном пути,— с улыбкой ответил ей толстый бритый человек — Если вы хотите ехать с нами,— входите». Он помог ей и детям войти в автобус. Марта сначала стеснялась, но потом рассказала, откуда они Женщины окружили ее, дети приплясывали у пассажиров на коленях, ели бутерброды и сразу повеселели.

«Теперь вы пойдете в народную полицию и заявите о своем возвращении, а завтра уже будете ночевать в Лейпциге»,— сказал толстяк.

Она кивнула головой, глаза ее наполнились слезами. Она словно окаменела от счастья: пусть случится все что угодно, но ведь лагеря больше не будет! «Но раньше вы посмотрите с нами аллею Сталина». И снова она кивнула. Другие болтали, смеялись, хвалили и критиковали новые дома Люди были возбуждены, взволнованы, полны удивления, а Марта Конрад плакала.

Шестилетняя девочка в порыве любопытства потянула ее вперед: «Мамуся, смотри-ка, в этих домах живут хорошие люди!»

В больших домах, видно, жили добрые взрослые люди и веселые дети. Они смотрели из окон и махали им руками.

«Мамуся, куда же мы идем? Пойдем домой!»

Марта Конрад отвернулась, она хотела скрыть слезы. «Мы уже дома, детка»,— сказала она сдавленным голосом.

Борис **ЧИРКОВ**

В пути

ИЗ КИТАЙСКИХ ЗАПИСЕЙ

Народный артист СССР Борис Чирков в составе делегации советских деятелей культуры не так давно побывал в Китайской Народной Республике. Публикуем путевые записи Б. Чиркова о его поездке по Китаю.

ВОЗВРАТЯСЬ НА РОДИНУ...

Неуклонно и стремительно мы несемся все вперед, навстречу встающему солнцу, обгоняя время и оставляя позади родные леса, горы и реки... Мы — в Китае! Вся страна гостеприимно раскинула перед нами свои громадные просторы.

И мы широко воспользовались этим гостеприимством. Мы проехали с севера на юг весь Китай, с жадностью вглядываясь в жизнь, быт и историю колоссального государства. Великий труд великого народа, преобразующего лицо своей страны, переделывающего весь уклад своей жизни, — вот что бросилось нам в глаза в первую очередь. Твердая уверенность в своем счастливом будущем окрылила людей и придала им небывалые силы.

Всего около четырех лет назад народ Китая принялся за свою созидательную работу, а уже по всей стране видны результаты его упорного труда. Нам посчастливилось проехать от Маньчжурии до Кантона, и повсюду мы видели бурную весну расцвета. Всюду подымались ростки нового. Новые дома и заводы, новые дороги и плотины начинали свою молодую жизнь.

Большая страна — Китай! День за днем бежит поезд с севера на юг, и кажется — нет конца китайской земле.

Сотню за сотней километров пробегает поезд, позади остаются большие и маленькие города и деревни. Среди прочих промелькнул и Шанхайгуань, прижавшийся к самому берегу Желтого моря. Здесь, от высоких каменных ворот, начинается Великая Китайская Стена и, не прерываясь, тянется на запад, по горам и степям, на тысячи километров. По мощным, в несколько метров высотою, стенам пролегает широкая дорога, на которой могут свободно разъехаться две повозки. Расположенные на определенных расстояниях сторожевые башни как бы узлами связывают отдельные звенья этой каменной цепи, опоясавшей северную границу страны.

Покачиваясь на ходу, поезд мчится к югу.

Все резче меняется пейзаж по обе стороны железнодорожного полотна. Степь сменилась холмами, а холмы выросли в горы, которые то совсем близко подходят к дороге, то отступают от нее на несколько километров.

Уже и столица государства осталась позади, а за нею и большой промышленный город Тяньцзинь, близ которого сооружается порт, что станет одним из крупнейших в мире. Огни сталелитеен Тяньцзиня и гудение пароходов в новом порту снова напоминают о рождении индустриального могущества нового Китая, который быстро восстановил свою экономику и строит теперь такие гиганты, как Аньшаньский металлургический комбинат на северо-востоке, как этот порт здесь, на севере страны.

Дальние горы стали снова сходиться, долина становится все уже и уже, и поля карабкаются на склоны холмов все выше и выше, к вершинам, располагаясь одно над другим в двадцать, а то и в тридцать ярусов.

В этих краях мало удобной для посевов земли, и люди ее очень ценят, бережно и старательно обрабатывают, и у нее такой вид, будто бы всю ее просеяли через сито, а потом — мягкую, пушистую — осторожно уложили в поле. Телеграфные столбы и редкие деревья стоят на маленьких пятачках невозделанной почвы, а вокруг них лежат аккуратные ряды всходов. Ни один клочок земли не пропадает даром.

И земля все щедрей одаряет своих хозяев. Нельзя не порадоваться, узнав, что уже в прошлом году свободные китайские крестьяне собрали продовольственных культур на 9 процентов больше, чем когда-либо в истории страны, а хлопка — примерно на 55,7 процента больше наивысшего довоенного уровня. Так же быстро увеличился сбор чайного листа, табака.

На каждой станции на столбах висят китайские и советские знамена. На стенах и заборах развешаны красные кумачовые плакаты с яркими желтыми иероглифами — это призывы к дружбе между двумя великими странами — СССР и Китаем.

Часто на перронах вокзалов стоит народ, ожидая приезда советских гостей. Иногда целые группы молодежи в ярких цветных халатах, вооружившись бубнами, барабанами, флейтами, устраивают здесь же, на перроне, концерт с пением и танцами.

И, конечно, всякий раз непременными участниками этих встреч бывают пионеры. В своих красных галстуках, построившись в ряд, ожидают они прибытия поезда и жадно вглядываются блестящими черными глазенками в окна вагонов. Чуть завидят они лица гостей, как стройность их шеренги ломается. А стоит только открыться дверям вагона, как ребятишки сломя голову кидаются навстречу советским людям, плотно облепляют каждого из них, как бы захватывая их в свое полное и нераздельное владение.

...Поезд останавливается у какой-то маленькой станции, и вдруг слущие в нем приникают к оконным стеклам, а многие выходят на перрон и все смотрят на гору, за широкую вершину которой зацепилась желтая тучка и никак не может оторваться от нее.

— Тайшань!

Одна из пяти знаменитых вершин Китая.

Поезд неутомимо бежит на юг. Тянутся вдоль пути залитые водой рисовые поля, похожие на пруды.

Крепнут, тянутся к небу и скоро широко раскинут свои широкие кроны тоненькие пока, словно беззащитные, прутики — ростки молодых деревьев, высаженные вдоль железнодорожных путей. На просторах Китая сейчас идет энергичная работа по лесонасаждению.

Могучая, широкая, в полтора километра от берега до берега, река Янцзы преграждает путь, и поезд взбирается на громадный паровой паром. Теперь он сам, как пассажир, отдыхая, переправляется через реку. Навстречу по реке движется какая-то громада, — будто целый квартал города вдруг тронулся с места и поплыл. Это такой же паром, тоже с поездом, только идущим в обратном направлении. Две махины протяжно гудят, словно переговариваясь друг с другом низкими, густыми голосами, и важно расходятся.

Вокзал Нанкина — бывшей гоминдановской столицы. Два часа ночи. Город уже давно спит, но на платформе вокзала большая толпа.

Веселые люди с букетами цветов, знаменами, плакатами радостно встречают прибывший состав. Одновременно гремит несколько оркестров — это население свободного Нанкина встречает гостей из далекой, но родной Советской страны, посланцев народа — верного друга Китая. Все знают в Китае, что гордость его — новые железные дороги Чэнду — Чунцин и Тяньшуй—Ланьчжоу, огромное водохранилище на реке Янцзы и гидротехнические сооружения на реке Хуайхэ, новый порт Синьган и другие предприятия созданы с небывалой быстротой благодаря братской помощи Советского Союза. Знают и глубоко ценят помощь советских людей.

На вокзале советских делегатов одаривают цветами. Сейчас глубокая ночь, а все веселы и счастливы тем, что участвуют в этой встрече любви и дружбы.

Миллионы друзей! Десятки миллионов их объединились в Обществе китайско-советской дружбы. Общество всемерно содействует обмену опытом и знаниями между китайским и советским народами. Учиться у Советского Союза призвал китайский народ товарищ Мао Цзэ-дун. И народ горячо откликнулся на этот призыв. Изучение передового опыта Советского Союза китайский народ считает важнейшим условием успешного государственного строительства в своей стране.

Но вот и Нанкин позади. Снова тянутся рисовые поля, щедро залитые водой. Крестьянские домики, как маленькие острова, стоят прямо в воде, и люди сообщаются друг с другом только на лодках. Слева от дороги несет свои воды Янцзы. Река выше, чем поля, которые ограждены земляными насыпями, и кажется, что пароход, который хорошо виден из окна вагона, идет прямо над полями по воздуху, оставляя за собой длинный, дымный шлейф.

По железнодорожной насыпи шагают люди в широких, конусообразных соломенных шляпах, служащих одновременно и головным убором, и зонтиком, спасающим от мелкого моросящего дождя.

Пруды, рисовые поля, канавы, каналы тянутся вдоль железнодорожного полотна. Джонки, крытые мокрыми цыновками, — одни плывут, управляемые длинным кормовым шестом, другие стоят, причаленные к берегам реки и каналов. Люди выглядывают из маленьких каюток, женщины здесь же готовят пищу, и легкий дымок вьется над лодками.

В вагоне-ресторане целая компания расположилась у окон. Пассажиры внимательно разглядывают дорогу. За одним из столиков тихий, скромный китаец вдруг начинает смеяться счастливым смехом, не обращая внимания на удивленные взгляды окружающих. Он указывает на рисовые поля, на одинокие, мокнущие под дождем домики, на джонки и, оглядывая спутников веселыми, широко раскрывшимися глазами, с доверчивой откровенностью обращается к нам:

— Это мой дом!.. Я родился в этих местах. У нас, в Китае, есть поговорка: на небе — рай, а на земле — Сучжоу. Это и есть Сучжоу!

Родина! Прекрасная, лучшая в мире страна, любимые, самые дорогие человеку места на всей земле! Здесь хочет уроженец их и жить и трудиться, воспитывать своих детей для счастливой жизни. Защищая эту землю, готов он пролить свою кровь, отдать, если понадобится, свою жизнь. И мы, оторванные от своей земли, вдруг остро и горячо вспомнили о ней и загрустили, захотели домой, несмотря на то, что рядом с нами — милые и верные друзья и что земля их красива и дружелюбна.

Дорогая Родина, мы гордимся тобою за то, что ты, первая на земле, стала Родиной всех тружеников мира, за то, что ты родила самых светлых, самых самоотверженных людей, ставших вождями всего человечества. Когда еще бывало так, чтобы целую страну благословляли все народы? Было, и много раз было, когда одно государство становилось узурпатором и вызывало у людей страх и ненависть. Но всеобщую любовь, преданность и уважение мы заслужили у людей первыми. Какое счастье выпало на нашу долю — быть сыновьями такой страны! Какое счастье и какая громаднейшая ответственность — жить и работать на виду у всего земного шара, быть примером для большей и лучшей части человечества!

...А колеса стучат и стучат, бежит и бежит навстречу дорога, город за городом остаются позади. Вот уже поезд миновал громадный шестимиллионный Шанхай и «жемчужину Китая» — курортный город Ханчжоу. На юг, на юг!..

День сменяется ночью. Желтая луна вышла из-за гор. Поезд бежит, подрагивая на ходу. Вот он загремел, проносясь по мосту через широкую реку, и луна пишет на дрожащей воде золотые иероглифы.

На близком горизонте в голубоватом тумане тихо дремлют горы. Четкие очертания деревьев и домов, речки, пруды, каналы окутаны прозрачным туманом, — будто смотришь на громадный аквариум, наполненный синеватой водой.

Древнейшее государство мира отдыхает от дневных трудов.

На протяжении десятилетий присасывались к телу Китая империалистические паразиты, их борзописцы твердили о «дряхлости» Китая, о том, что страна уже отжила своей самостоятельной жизнью и должна быть разделена между чужеземными эксплуататорами. И вдруг, этот «дряхлый» Китай встал, объединенный общностью надежд и желаний своего полумиллиардного народа, и изумил мир своей силой и молодостью, неутомимой энергией в строительстве нового уклада жизни...

Снова настает день. Реки с прозрачной голубой или зеленоватой водой бегут к теплому морю. Попадаются перелески — сосны и густые лиственные деревья бросают тень, в которую, должно быть, приятно войти и отдохнуть от солнечного зноя.

А вот и пальмы с большими вырезными листьями, — сперва они виднеются только около домов, затем у дорог, а теперь уже собираются в целые рощи.

Дорога идет вдоль большой оживленной реки Епзян. Слово «е» означает древесный лист, «цзян» — река. И правда, растительность здесь богатая, все склоны холмов и гор покрыты лесами, то и дело мелькают в окнах стройные бамбуковые рощи. По зеленоватой воде Епзян скользят крытые джонки, проходят большие, — вроде наших барж, — суда с желтыми парусами, сшитыми из цыновок. Тяжелые плоты медленно спускаются вниз по течению. Чаще и чаще деревни. Они сливаются в одно большое селение — началось предместье Кантона. Еще больше становится каналов, озер, протоков. Дома, как на ходули, взобрались на сваи и стоят по колено в воде.

Но вот постепенно земля выходит из воды, появляются сухие прогалины, потом начинаются холмы.

Затем пошли парки и сады с высокими кустарниками, яркими цветами. Свайные постройки сменились домами, прочно вросшими в землю; показываются двухэтажные, потом трехэтажные здания.

Поезд замедляет ход и, как бы запыхавшись от дальнего пробега, останавливается. Кантон.

Главный редактор **К. СИМОНОВ.**

Редакционная коллегия: **Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.**

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02 29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27 54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б02819.